

Кудрявцев О.Ф.

«ДНЕЙ МИНУВШИХ АНЕКДОТЫ»:

«Хроника» францисканца Салимбене де Адам.

(работа опубликована в изд.: Салимбене де Адам.

Хроника. М. «Росспэн. 2004. С. 825-861)

Об авторе.

В документах XIII в. сохранилось лишь одно упоминание о Салимбене¹. Поэтому всем, что известно о нем, мы обязаны почти полностью его собственному историческому повествованию, в котором довольно часто по разным поводам он сообщал те или иные сведения о себе и своих близких².

¹Салимбене значится в числе присутствовавших при торжественном акте пострижения в монахини в июле (или марте) 1254 г. Беатриче д'Эсте, дочери синьора Феррары Аццо VII. См.: *Bernini F. Che cosa vide e raccontò di Ferrara il cronista Salimbene da Parma // Rivista di Ferrara. Vol. III. 1935. P. 28-37; Idem. L'unico documento originale relativo a Salimbene (La monacazione in Ferrara, nel 1254, di Beatrice d'Este). Parma, 1948; Samaritani A. Sulla data di professione della B. Beatrice II d'Este (ca. 1226-1264) // Benedictina. 1972. T. 19. P. 103-107.*

² Биографические очерки о Салимбене даны в работах: *Michael E. Salimbene und seine Chronik – Eine Studie zur Geschichtschreibung des dreizehnten Jahrhunderts. Innsbruck, 1889. S. 6-66; Holder-Egger O. Zur Lebensgeschichte des Bruders Salimbene de Adam // Neues Archiv. 1912. Bd. 37. S. 163-218; 1913. Bd. 38. S. 469-481; Schmeidler B.*

Салимбене был третьим сыном в семье. Он появился на свет 9 октября 1221 г. в Парме³. При рождении получил имя Оньибуоно, которое много позже, будучи монахом, переименовал на Салимбене – так его назвал один собрат-францисканец, последний из принятых в Орден самим его основателем⁴.

Отец Салимбене, Гвидо де Адам, происходил из зажиточной пармской фамилии Де Адам, принадлежавшей к роду Гренонов. Представители этого рода не числились среди высших должностных лиц Пармы, вместе с тем родственными узами они были связаны с могущественными и знатными семьями города и его округа. Их имущественное благосостояние основывалось на поступлениях от земельных владений⁵, юридической практики и денежно-кредитных операций. Занятие таким низким, по

Praefatio // *Cronica fratris Salimbene de Adam Ordinis Minorum*. Ed. O. Holder-Egger (*Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum*. Hanoviae-Lipsiae, 1905-1913. Т. 32. P. VII-XX); *Schivoletto N. Fra Salimbene da Parma e la storia politica e religiosa del secolo decimoterzo*. Bari, 1950. P. 9-46; *Scalia G. Nota bio-bibliografica // Salimbene de Adam. Cronica*. Ed. G. Scalia. Bari, 1966. P. 955-962; *Guyotjeannin O. Salimbene de Adam: Un chroniqueur franciscain*. Brepols, 1995. P. 7-20.

³ *Salimbene de Adam. Cronica*. A cura di G. Scalia. Bari, 1966. P. 47 (далее везде: *Cronica*; в скобках указана стр. настоящего издания: С. ?).

⁴ *Cronica*. P. 53 (С. ?). Подробнее см.: *Бицилли П.М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века)*. Одесса, 1916. С. 203, 204.

⁵ В «Хронике» Салимбене упоминает о деревне Альбо, раньше называвшейся Гайнако (в округе Пармы), в которой у него когда-то «было много владений» (*Cronica*. P. 744, 760; С. ?).

представлениям феодального общества, делом, как ремесло финансиста, которое могло навлечь на себя тяжелые обвинения в ростовщичестве, не мешало культивированию куртуазно-рыцарских идеалов. Предметом семейной гордости было участие Гвидо де Адам, отца Салимбене, в IV крестовом походе, позволившее ему, по некоторым догадкам, хорошо пожить при разграблении Константинополя. В раздиравшей Италию борьбе Церкви (папы) и императора родные Салимбене держали сторону императора. Их политическая ориентация характерна для основной части пармской знати, а социальный тип, допускавший совмещение деятельности законника и судьи с рыцарской службой и – не больше и не меньше – с предпринимательством, очень показателен для верхушки городского сословия центральной и северной Италии.

Сызмала, едва ли не с колыбели, по словам самого Салимбене, он упорно занимался грамматикой⁶, и эта тяга к учению сохранялась в нем всю жизнь. Среди родственников Салимбене было немало образованных людей, преимущественно юристов, а его дядя Герардо де Кассио славился познаниями в изящной словесности и даже составил пособие по искусству сочинительства⁷. Подростком Салимбене стал свидетелем покаянно-религиозного движения, призывавшего к установлению в Италии мира, под названием «Аллилуйя» (1233 г.), которое, по-видимому, произвело на него сильное впечатление⁸. Ничего другого о его раннем религиозном развитии не известно.

⁶ “ab ipsis cunabulis in gramatica eruditus et attritus” (Cronica. P. 402; C. ?).

⁷ Ibid. P. 77 (C. ?).

⁸ Ibid. P. 99 и след. (C. ? и след.).

В феврале 1238 г. Салимбене вместе со своим другом был принят новицием в орден францисканцев. Возможно, к этому его побудили пример его старшего сводного брата Гвидо и увещания Герардо из Модены, одного из главных участников движения «Аллилуйя», рекомендовавшего юношу генеральному министру ордена Илье Кортонскому, который в тот момент проездом находился в Парме⁷. Уход Салимбене в монастырь обрекал семью на исчезновение, лишая последнего потомка по мужской линии. Реакция отца на такое решение сына не могла не быть резкой, даже если Салимбене в описании ее сознательно пытался соотнести свой поступок с обстоятельствами ухода от мира почитаемого им Св.Франциска⁸. Гвидо де Адам испросил у императора Фридриха II грамоту, в которой Илье Кортонскому было высказано пожелание вернуть родителю его чадо⁹. Однако Салимбене был непреклонен в своем решении, и отец в присутствии монахов предал проклятию сына-ослушника¹⁰. По свидетельству Салимбене, отец собирался использовать с той же целью и авторитет папы Иннокентия IV, непримиримого противника императора. «Этого, как я полагаю, - замечает Салимбене, - папа не сделал бы. Может быть, ради

⁷Ibid. P. 106, 136 (C. ??).

⁸ На это справедливо обращают внимание: *Scalia G.* Op.cit. P. 957. N 4; *Guyotjeannin O.* Op. Cit. P. 17.

⁹ *Cronica.* P. 54-56 (C. ?).

¹⁰ “pater meus... de egressu meo desperans prostravit se in terram et dixit: “Comendo te mille demonibus, maledicte fili, et fratrum tuum qui hic tecum est, qui etiam te decepit. Mea maledictio vobiscum sit perpetuo, que vos infernalibus commendet spiritibus””. (*Cronica.* P. 56. C. ?).

утешения отца моего он дал бы мне епископство или какой-либо другой сан»¹¹.

Как бы то ни было, Салимбене остался тверд в своем решении и, дабы освободиться от постоянных попыток родни переубедить его, удалился в городок Фано (область Марке), где и провел год своего новициата. Здесь его наставником в богословии был брат Умиле из Милана¹². В 1239 г., приняв постриг и выбрав Тосканскую провинцию францисканского ордена, Салимбене перебрался в Лукку, в которой пробыл два года, еще два – в Сиене, затем – до 1247 г. – в Пизе. В Лукке и Сиене он приобрел познания в музыке и церковном пении. Здесь, в Тоскане, Салимбене познакомился с богословскими трудами и пророчествами Иоахима Флорского (1132-1201) через Уго де Диня (de Digne), «великого иоахимита, имевшего все книги аббата Иоахима, написанные большими буквами», и Рудольфа Саксонского, «великого логика, богослова и диалектика (disputator)»¹³. Приверженцем иоахимитского учения Салимбене оставался, по собственному его признанию, до 1260 г. В годы пребывания в Тоскане Салимбене был поставлен в субдиаконы, а затем в диаконы.

На короткое время в 1247 г. Салимбене вернулся в Кремону и родную ему Парму (к этому времени отца его, по-видимому, уже не было в живых), перешедшую на сторону противников императора Фридриха II. Ее осада императорскими войсками вынудила Салимбене бежать к укрывшемуся во французском городе Лионе

¹¹ Ibid. P. 86 (С. ?).

¹² Ibid. P. 58 (С. ?).

¹³ Ibid. P. 339 (С.?). Об иоахимизме Салимбене см. подробнее: *Биццелли П.М.* Салимбене. С. 251 и след.

папе Иннокентию IV. В 1247-1248 гг. Салимбене много путешествовал по Франции, навещая в Лион, Вильфранш, Труа, Париж, Санс, Осер, Арль, Марсель, Йер, Экс, Тараскон, Ниццу. На юге Франции, где в тот момент довольно широко распространился иоакимизм, он тесно общался с приверженцами калабрийского монаха Иоанном да Борго Сан Доннино (теперь: Фиденца) и хорошо известным ему еще прежде Уго де Динь; во Франции же он имел возможность встретить францисканца Иоанна да Плано Карпини, возвращавшегося из посольства на восток, в ставку повелителя татар, и ознакомиться с его материалами¹⁴; тогда же он стал свидетелем посещения собиравшимся в крестовый поход королем Людовиком IX провинциального капитула в Сансе¹⁵. Папа Иннокентий IV еще в 1247 г. даровал Салимбене право выступать с проповедями (*predicationis officium*)¹⁵, которым, однако, он, по-видимому, не пользовался, пока в 1248 г. то же самое после должной экзаменовки ему не дозволил генеральный министр ордена Иоанн Пармский¹⁶. В конце 1248 г. В Генуе Салимбене был рукоположен в священники.

В начале 1249 г. Салимбене отправился в новое путешествие по Франции, впрочем, быстро закончившееся: в Лионе при папском дворе он повстречал своего непосредственного орденского начальника, провинциального министра Болоньи, который, раздосадованный, что его подопечный, посланный во Францию для учебы, долгое время скитался, занимаясь совсем другими делами,

¹⁴ Cronica. P. 297 и след. (С. ? и след.).

¹⁵ Ibid. P. 317 и след. (С. ? и след.).

¹⁵ Ibid. P. 432, 433 (С. ??).

¹⁶ Ibid. P. 452, 453 (С. ??).

обязал его вернуться в Болонью¹⁷. Салимбене был вынужден подчиниться.

Из Болоньи Салимбене в скором времени был переведен во францисканский монастырь Феррары; в нем он провел семь лет, с 1249 по 1256 гг. Известно, что в 1258 г. Салимбене находился в Модене, затем целый год - 1259 – провел в Борго Сан Доннино, в 1260 г. – снова в Модене (отсюда он сопровождал группу жителей Сассуоло, участвовавших в движении флагеллантов, до Реджо и Пармы), наконец, в 1261 г. перебрался в Болонью.

Как складывалось его пребывание в Романье, не вполне ясно. Он пишет, что пять лет жил в Фаэнце, другие пять – в Имоле, еще пять – в Равенне¹⁸; однако было ли его пребывание в каждом из этих городов непрерывным? Скорее всего, нет, ибо в 1264 г. он находился в Равенне, Ардженто, Ферраре, в 1265 г., имея местопребыванием монастырь в Фаэнце, отправился в паломничество в Ассизи, к гробнице основателя своего ордена, в 1266 г. посетил Парму и Равенну, в 1268 и 1269 гг. пребывал в Равенне, в 1270 г. – в Имоле, в 1273 г. был свидетелем осады болонцами г. Форли, тогда же навещался в Равенну и Фаэнцу, в которой оставался до осени 1274 г.

В 1276 или 1277 гг., Салимбене находился в болонской провинции, где встретил своих собратьев-францисканцев, возвращавшихся из посольства папы Иоанна XXI к татарам¹⁹, в

¹⁷ Ibid. P. 468 (C. ?).

¹⁸ Ibid. P. 276 (C. ?). См. также: *Schmeidler B.* Op. Cit. P. XVI; *Scalia G.* Op.cit. P. 960; *Guyotjeannin O.* Op. Cit. P. 20.

¹⁹ Cronica. P. 302 (C. ?).

1279 г. стал свидетелем страшного землетрясения в Марке²⁰; и все же, где именно он жил в эти годы, установить невозможно. По предположению Б.Шмейдлера, принятому другими историками²¹, с конца 1279 или с начала 1280 г. и до середины 1285 г. Салимбене находился в Реджо, откуда выезжал в 1284 г. на несколько месяцев в Парму.

В последние месяцы 1285 г. Салимбене перебрался в монастырь Монтефальконе, расположенный в округе Реджо. Мнение Б.Шмейдлера о том, что после 8 сентября 1287 г. Салимбене покинул Монтефальконе, ничем, как было показано Н.Шивоветто, не подтверждается²². Место и время смерти Салимбене не известны, но в 1288 г. он был еще жив и продолжал работу над своей «Хроникой».

Литературные труды Салимбене.

Салимбене был довольно плодовитым писателем. Помимо известной нам «Хроники», его перу принадлежал еще ряд сочинений. Однако те из них, которые не были включены так или иначе в текст этой «Хроники», до нас не дошли.

По-видимому, наиболее ранней работой была небольшая хроника, обозначенная Салимбене в разных местах его основного труда по-разному: «Двенадцать злодеяний Фридриха», «другая

²⁰ Ibid. P. 731, 732 (C. ?).

²¹ *Schmeidler B.* Op.cit. P. XVII; *Scalia G.* Op.cit. P.961; *Guyotjeannin O.* Op. Cit. P. 20.

²² *Schmeidler B.* Op.cit. P. XIX; *Scivoletto N.* Fra Salimbene da Parma e la storia politica e religiosa del secolo decimoterzo. Bari, 1950. P. 44.

хроника», «другая более краткая хроника»²³. Тему «суеверий, странностей, злоречивости, недоверчивости, извращенности и непотребств» императора²⁴ Салимбене часто поднимает во многих местах известной нам «Хроники»²⁵, и это позволяет судить о содержании «другой более краткой хроники». Некоторые исследователи на том основании, что Флавио Бьондо (1392-1463) в «Исторических декадах» (*Historiarum decades*) приводит сведения о Фридрихе II, отсутствующие в основной «Хронике» Салимбене, и при этом ссылается на некоего «пармского богослова», полагают, будто историку-гуманисту XV в. была известна не дошедшая до наших дней более ранняя хроника францисканского монаха²⁶.

²³ Cronica. P. 222, 294, 342, 502, 512, 515, 860 (С. ???). Скорее всего, именно к этой «более краткой хронике» Салимбене отсылает в некоторых других местах своего повествования, где заходит речь о борьбе сторонников императора и папы (*Ibid.* P. 296, 303; С. ??).

²⁴ “superstitiones et curiositates et maledictiones et incredulitates et perversitates et abusiones” (*Ibid.* P. 512; С. ?).

²⁵ См. в этой связи: *Crocco A. Federico II nella Cronica di Salimbene. Napoli, 1970.*

²⁶ *Scheffer-Boichorst P. Salimbene und Biondo // Zur Geschichte des XII und XIII Jahrhunderts-Diplomatische Forschungen. Berlin, 1897. S. 284-289; Schmeidler B. Op. cit. P. XXVI; Бицилли П.М. Салимбене. С. 28, 29; Bernini F. Frammenti trascurati d’una Cronaca minore di Salimbene // Nuova rivista storica. 1935. Anno XIX. Fasc. II-III. P. 196-211 (в этой работе в приложении (P. 206-211) опубликованы фрагменты сочинения Бьондо, в котором он ссылается, не называя имени, на Салимбене); Scalia G. Op.cit. P. 980.*

Еще одной работой Салимбене исторического плана была хроника, к которой он приступил в период пребывания в Ферраре и которая начиналась с правления Октавиана Августа. Материал для нее брался из различных источников (*ex diversis scriptis*). Дойдя до лангобардских времен, Салимбене должен был прекратить работу над ней по причине нехватки писчего материала²⁷.

По ходу повествования Салимбене неоднократно говорит о «других хрониках», или о «многих других хрониках, которые мы [т.е. он, Салимбене – О.К.] написали, издали и исправили»⁹; скорее всего о них же идет речь в другом контексте – когда Салимбене упоминает свои сочинения, трактующие предсказания Иоахима Флорского об образовании францисканского и доминиканского орденов²⁸. В одном месте, рассуждая по поводу тринитарно-догматических расхождений между Иоахимом Флорским и Петром Ломбардским, он уточняет, что на сей предмет «подробнее писал в другой краткой хронике... о подобии и примерах, о знамениях и

Сомнение в надежности этой гипотезы высказывает Гийожаннен (*Guyotjeannin O. Op. Cit. P. 28*).

²⁷ “... ita eram pauper, quod defectum cartarum sive pergameni habebam” (*Cronica. P. 311; C. ?*).

⁹ “...in multis aliis cronicis que a nobis et scripte et edite et emendate fuerunt” (*Ibid. P. 41; C. ?*). В ходе исправления этих хроник, кои, по собственной оценке Салимбене, удались ему «наилучшим образом», он «убрал из них излишества, неправильные слова, искажения и противоречия» (“plures alias cronicas, quas optime, secundum meum iudicium, feci; ex quibus recusavi superfluitates, abusiones, falsitates et contrarietates” (*Ibid. P. 312; C. ?*).

²⁸ *Ibid. P. 427 (C. ?)*.

образах и о тайнах Ветхого и Нового Заветов»²⁹. По признанию Салимбене, различные хроники (*diversas cronicas*) сочинил он для своей племянницы Агнессы, дочери его брата, вступившей в монастырь св. Клары, и дабы она могла их уразуметь, он «пользовался простым и понятным языком» (*simplici et intelligibili stilo*)¹⁰

Несколько своих сочинений Салимбене называет трактатами. Один из них – «Трактат о Елисее»³⁰ – был, по-видимому, написан в связи с предпринятым Салимбене переносом останков пророка из Равенны во францисканский монастырь Пармы³¹. Другой – «Трактат о папе Григории X»³² – мог быть, по предположению Б.Шмейдлера, вставлен Салимбене в текст какого-то более крупного его произведения³³.

В числе сочинений Салимбене было, по крайней мере, одно стихотворное – «Книга досад» (*Liber Tediumum*)³⁴, которую он написал в 1259 г. в Борго Сан Доннино, подражая Герардо Патецкьо, кремонскому нотарию и поэту-публицисту, творившему (между 1228 и 1253 гг.) на народном языке. Неизвестно, правда, на каком языке было составлено произведение Салимбене, и какие

²⁹ Ibid. P. 342 (C. ?).

¹⁰ Ibid. P. 269 (C. ?).

³⁰ Ibid. P. 427 (C. ?).

³¹ Ibid. P.577 (C. ?).

³² Ibid. P.685 (C. ?).

³³ *Schmeidler B.* Op.cit. P. XXV. С этим предположением не согласен Дж. Скалиа (*Scalia G.* Op. cit. P. 981).

³⁴ “...habitabam in Burgo Sancti Donini et composui et scripsi alium librum Tediumum ad similitudinem Pateccli” (*Cronica.* P. 674; C. ?).

конкретные темы затронуты внем, хотя комментарии в «Хронике» к отдельным стихам Патецкьо позволяют угадать общие мотивы в поэтическом творчестве того и другого³⁵.

Некоторые сочинения Салимбене сохранились благодаря их включению в состав «Хроники». Так обстояло дело с трактатом против апостольских братьев³⁶, а равно и с составленной для племянницы генеалогией семьи³⁷, которые в слегка измененном виде вошли в основной труд Салимбене. Совершенно самостоятельной и плохо вписывающейся в «Хронику» является пространная «Книга о прелате»³⁸, четко обозначенная своим собственным началом и завершением.

«Хроника»: история текста.

«Хроника» венчает собой все творчество Салимбене. В ее тематике и композиции нашло отражение то, что было написано автором прежде. Более того, в ней он действительно опирался на свои более ранние труды, отсылая к ним читателя и тем самым, как очевидно, предполагая, что эти сочинения известны или, по крайней мере, доступны ему³⁹.

³⁵ Об этом подробнее см.: *Биццлли П.М.* Салимбене. С. 193-196; *Guoyotjeannin O.* Op.cit. p. 28, 29.

³⁶ *Cronica.* P. 369-372, 407-414 (С. ???).

³⁷ *Ibid.* P. 51-54, 75-80, 83-84 (С. ???).

³⁸ *Ibid.* P. 136-239 (С. ??).

³⁹ См., например: *Ibid.* P. 342 (С. ?).

Конкретный адресат «Хроники» неизвестен. В одном, правда, ¹¹месте Салимбене заметил: «Я же при написании различных хроник [надо полагать, в их числе он имел в виду и свою главную «Хронику» – *О.К.*] пользовался простым и понятным слогом, дабы моя племянница, для которой я писал, могла уразуметь то, что читает»⁴⁰. В другом месте Салимбене ссылается на настояние многих («многие просили меня») как на причину того, что он вынужден вернуться к пропущенной им теме⁴¹. Это могло означать, что были люди, с которыми он обсуждал части произведения по мере их завершения. Вероятнее всего, Салимбене советовался со своими собратьями-францисканцами, которым, судя по идейной направленности произведения, он его и предназначал.

Хроника дошла до нас не полностью. В единственной известной ее рукописи, выполненной, правленной и пронумерованной самим Салимбене⁴², недостает огромной части текста – от трети до двух пятых всего объема «Хроники». Отсутствует ее начало, в рукописи листы 1-207; в центральной части, лучше всего сохранившейся – листы с 208 по 491 – также не хватает отдельных фрагментов; наконец, отсутствует окончание работы, точные размеры его установить невозможно, хотя сам Салимбене ссылается на лист 526⁴³, а это означает, что было еще не менее 40 листов.

11

⁴⁰ Ibid. P. 269 (C. ?).

⁴¹ Ibid. P. 296 (C. ?).

⁴² Codex Vaticanus Latinus nr. 7260. Подробнее описание авторской рукописи и ее судьбы см.: *Schmeidler B.* Op.cit. P. XXVII; *Scalia G.* Op. cit. P. 987-1003.

⁴³ Cronica. P. 928 (C. ?).

«Хронику» Салимбене создавал на закате своих дней. Работа над ней началась не позже 1283 г., а завершена была не ранее 1288⁴⁴. Писал он ее, не всегда последовательно переходя от года к году. Компоновка материала могла быть произвольной, так что о событиях более поздних упоминается иногда раньше, чем о тех, которые им предшествовали. В результате заметна частая несогласованность в подаче информации. Так, Салимбене сообщал о смерти короля Педро Арагонского прежде, чем о войне против него французского короля Филиппа II, исход которой, по его словам, «пока неизвестен»⁴⁵. В иных случаях он возвращался к подготовленному уже тексту, редактировал его, дополнял, снабжал авторскими ремарками.

Впрочем, работа над текстом «Хроники» продолжалась и после Салимбене. Ее читали, скорее всего, братья-францисканцы, делали на ней пометки, даже вычеркивали кое-что, например, отрывок, который мог вызвать неудовольствие семейства д'Эсте⁴⁶. В XV в. «Хроника» Салимбене была доступна Флавио Бьондо. В 1501 г. ею пользовался один францисканец, возможно, обсервант Симоне да

⁴⁴ Все доступные установлению сведения о том, когда те или иные части «Хроники» были созданы, см. в работе Б.Шмейдлера (*Schmeidler B. Op.cit. P. XX-XXII*).

⁴⁵ См. соответствующие сообщения: *Cronica. P. 821, 843, 844 (C. ???)*.

⁴⁶ После 1290 г., когда Обиццо д'Эсте овладел Реджо. См.: *Cronica. P. 244-247 (C. ???)*. Гипотеза эта была выдвинута еще в работе: *Clédat L. La chronique de Salimbene // Annuaire de la faculte des lettres de Lyon (Vol. 1 (1883) (P. 201-214). Vol. 3 (1885) (P.163-192)). Vol. 1. P. 213, 214.*

Реджо⁴⁷. В XVI-XVII вв., после того как рукопись «Хроники» покинула библиотеку францисканцев, она переходила от одного владельца к другому (Гримани, Савелли, Сан Витале, Конти). Упоминания о ней с очень короткими выдержками из текста имеются в трудах немногих эрудитов XVI в. (Онофрио Панвивио, Карло Сигонио, Франсиско де Пенья)⁴⁸. Однако первое внимательное ознакомление с «Хроникой» Салимбене состоялось только в середине XVIII в. благодаря о. Хосе Торрубиа. С этого времени началось ее копирование, которое сопровождалось порой порчей некоторых мест рукописи. В 1786 г. автограф «Хроники» был передан за вознаграждение в Ватиканскую библиотеку, где и хранится по настоящее время⁴⁹.

«Хроника»: источники.

В своей «Хронике» Салимбене использовал в большом объеме сочинения предшественников. Основным источником для Салимбене в описании событий до 1212 г. явилась «Хроника» Сикарда, епископа Кремонского (избран в 1185 г., умер в 1215 г.). В дальнейшем изложении материала с 1212 по 1280 гг. он опирался на другую хронику – «Книгу временных лет» (*Liber de temporibus et aetatibus*), автором которой считался Альберто Милиоли, нотариус,

⁴⁷ См.: *Scalia G.* Op. cit. P. 992-994, 1000, 1001.

⁴⁸ Ibid. P. 1001-1003.

⁴⁹ Ibid. P. 1003; *Guyotjeannin O.* Op.cit. P. 35, 36; *Rossi B.* *Fra Salimbene de Adam da Parma // Salimbene de Adam da Parma. Cronaca. Traduzione di B.Rossi. Bologna, 1987 (P. XI-XLIII). P. XXII, XXIII.*

составитель частных документов, а также картуляриев и статутон коммун Реджо, будто бы находившийся с Салимбене в дружеских отношениях и обменивавшийся с ним литературными трудами. Не случайно, поэтому, начиная с 1281 г., уже Милиоли заимствовал из «Хроники» Салимбене для своего сочинения⁵⁰. Правда, в целом ряде специальных текстологических изысканий было показано, что Милиоли исполнял роль лишь простого переписчика, самое большее, сводившего воедино по заданию коммун различные источники с полным пренебрежением к их содержанию, что труд Салимбене был использован не только для продолжения «Книги временных лет» после 1281 г., но и для внесения поправок в ее материалы, относящиеся к более ранним периодам, что, наконец, Салимбене в своем повествовании мог опираться не обязательно на «Книгу временных лет», но и на те источники, которые были положены в ее основу⁵¹. Вполне вероятно, Салимбене видел коммунальную хронику Реджо еще до того, как она была

⁵⁰ См. вводную статью О.Гольдер-Эггера к «Книге временных лет» (MGH SS. T. XXXI. Hannoveriae, 1903. P. 339), а также: *Schmeidler B.* Op. cit. P. XXII.

⁵¹ См.: *Cerlini A.* Fra Salimbene e le cronache attribuite ad Alberto Milioli // Archivio muratoriano. Citta di Castello, 1910. Fasc. 8. P. 383-409; *Idem.* Fra Salimbene e le Cronache attribuite ad Alberto Milioli. I codici e la ricostruzione del Chronicon Regiense // Bulletino dell'Istituto storico italiano e Archivio muratoriano. Roma, 1932. Vol. 48. P. 57-130; *Chiri E.* Rapporti tra la "Cronica" di Salimbene e il Liber de Temporibus // Atti della Accademia delle Scienze di Torino-II. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Torino, 1956. Vol. 90. P. 443-461; *Scalia G.* Op. cit. P. 967-979; *Guyotjeannin O.* Op. cit. P. 75-77.

завершена, а также «Книгу понтификов» (*Liber pontificalis*) Аньелло да Равенна и «Золотую легенду» Якова Варагинского. Из исторических трудов, кроме названных выше, он использовал также «Историю для школяров» (*Historia scholastica*) Петра Коместора, «Историю лангобардов» Павла Диакона, «Хронику» своего современника доминиканца Мартина из Троппау (ум. в 1278 г.) и утраченные анналы Пармы. Салимбене довольно часто ссылался на жития святых, приводил документы своей эпохи, из большого числа которых стоит упомянуть послание татарского хана папе Иннокентию IV, буллу этого папы, освобождающую подданных императора от верности ему, письма генерального министра францисканцев Иоанна Пармского, архиепископа равеннского Филиппа, немецкого короля Рудольфа. В порядке вещей и то, что Салимбене активно привлекал официальные бумаги своего ордена, его статуты, переписку, жития св.Франциска⁵².

Однако помимо этих и еще многих других письменных источников, Салимбене в созданной им «Хронике» запечатлел свой собственный жизненный опыт, свои впечатления от событий и явлений, свидетелем или участником которых он был, а равно наблюдения и сообщения людей, ему знакомых или как-то известных.

«Хроника»: жанр и авторское «я».

⁵² Подробнее об этом см.: *Paul J. Immagine di San Francesco e il francescanismo di fra Salimbene // Paul J., D'Alatri M. Salimbene da Parma testimone e cronista. Roma, 1992. P. 91-126.*

Слово «Хроника» в качестве названия главного произведения Салимбене не вполне передает его жанр. Еще Б.Шмейдлер заметил, что оно не есть в строгом смысле ни хроника всеобщая, ни локальная, ни епископская, ни историческое повествование, ни моральный трактат, но – некое соединение и смешение (*mixtum quodammodo et compositum*) всего этого⁵³. Очевидны как справедливость, так и недостаточность подобного определения немецкого исследователя. Действительно, материал в труде Салимбене как в хронике расположен погодно, и, описывая более ранние времена, - а сохранившаяся часть произведения начинается с 1168 г. – Салимбене пытался дать широкую панораму событий, затем, однако, сосредоточил основное внимание на том, что происходило в областях его преимущественного пребывания – Эмилии, южной Ломбардии и Романье (Парме, Реджо, Модене, в меньшей мере Кремоне, Ферраре, Равенне); поэтому произведение его имеет одновременно черты хроники и всеобщей, и локальной, причем ее характер можно еще уточнить – хроника францисканского ордена. Много в нем и отступлений с целями религиозно-нравственного назидания. Однако всем этим не исчерпывается жанровое своеобразие «Хроники» Салимбене, ибо автобиографические пассажи и свидетельство собственными наблюдениями сближают ее с произведениями мемуарной литературы, на что справедливо обратили внимание М.П.Бицилли и Ж.Поль⁵⁴.

⁵³ *Schmeidler B.* Op.cit. P. XXIV.

⁵⁴ *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 7, 92; *Paul J. Salimbene testimone e cronista // Paul J., D'Alatri M. Salimbene da Parma.* (P. 13-33). P. 13.

Не стоит, впрочем, преувеличивать ни автобиографизма, ни мемуарности «Хроники» Салимбене. Ведь не в рассказе о себе и своей судьбе состояла цель произведения. Да и в каких мемуарах возможно было бы, чтобы начинались они задолго до рождения их автора, который, к тому же, говорил бы о своей жизни очень скупой, подчас не находя даже нужным уточнить, где он бывал и что делал в те или иные периоды своей жизни? Чтобы вести о себе речь, человек средних веков должен был иметь какие-то очень веские основания, оправдывающие его; ибо говорить о своей персоне без серьезного к тому повода, по его понятиям, означало бы впасть в грех гордыни. А Салимбене был человеком своего времени, причем типичным человеком, для которого отдельная, даже собственная, личность как таковая не считалась объектом, достойным внимания и изучения, не обладала самоценностью в своих индивидуальных проявлениях.

Салимбене, по верному замечанию П.М.Бицилли, «не имел в виду писать своей автобиографии, ни целиком, ни частью». Русский историк хорошо показал, как к рассказу о себе францисканский хронист пришел почти случайно, в связи с упоминанием о гибели его двоюродного дяди в заметках, посвященных поражению в 1229 г. Пармской коммуны от болонцев. Это упоминание дало ему повод сообщить о своей родне, а затем и кое-какие детали своего прошлого⁵⁵. Показательно, что, закончив родословную, Салимбене не почел за лишнее объяснить и указать, что составление ее не входило в его намерения⁵⁶; и все же он принялся за нее, найдя пять

⁵⁵ Бицилли П.М. Салимбене. С. 133, 134, 137.

⁵⁶ “Ecce, genealogiam parentele mee preter intentionem meam descripsi...” (Cronica. P. 78; C. ?).

причин, оправдывающих его: во-первых, его просила об этом его племянница Агнесса, которая, и это во-вторых, теперь будет знать, за кого ей надо молиться; в-третьих, он следовал обычаю древних, приводивших, как видно по Ветхому Завету, свои генеалогии; в-четвертых, составление генеалогии позволило ему сообщить какие-то хорошие и полезные вещи (*aliqua bona et utilia*), о коих он не имел бы случая сказать; наконец, в-пятых, из приведенного обозрения родни можно извлечь поучение о том, что все люди смертны, и что все на свете суета⁵⁷.

Итак, внимание к истории своего рода потребовало от Салимбене обоснования. Разрозненные же автобиографические заметки не сложились у него в целостное повествование о себе. По-видимому, в таком повествовании не было настоящей необходимости. Ибо, если воспользоваться рассуждением Данте, высказавшим двумя десятилетиями позже в трактате «Пир» характерную для всего средневековья точку зрения на автобиографию, она была допустима в двух случаях: во-первых, с целью «избежать великого позора или опасности», то есть рассказом о самом себе спасти свою репутацию и восстановить справедливость, или же, во-вторых, примером своей жизни дать людям душеспасительное наставление⁵⁸. Салимбене не нужно было

⁵⁷ Ibid. P. 78-80 (С. ??).

⁵⁸ Данте. Пир. I. II. 12-14 // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 115. Данте следовал в данном отношении за Фомой Аквинским, который, в свою очередь, ссылался на Григория Великого. См.: Зарецкий Ю.П. Смертный грех гордыни и ренессансная автобиография // Средние века. М., 1992. Вып. 55 (С. 185-194). С. 185-187.

обелять себя, а нравоучительным задачам служила вся его «Хроника». Смысл кратких автобиографических сообщений в другом. Ссылками на свое присутствие в таком-то месте, а равно и на наблюдение за происходившим там Салимбене ручался за точность описываемого, ибо, подобно другим средневековым хронистам, он придавал особенно большое значение личному восприятию. Он заговаривал о себе как бы потому, что этого требовал сам предмет повествования; авторское очевидство должно было удостоверить истинность излагаемого. «Именно необходимость придать изложению мемуарный характер, - по наблюдению П.М.Бицилли, - открыла ему, так сказать, дверь для автобиографического элемента, и последний вторгается в его хронику в гораздо большей степени, чем это было нужно»⁵⁹. Словом, автобиографичность, заметная в некоторых частях «Хроники», начиная с 1229 г., является прежде всего приемом историописания, которым Салимбене, возможно, несколько «злоупотребил», но который отнюдь не был чужд и другим средневековым хронистам.

Салимбене-историк.

Постоянное обращение Салимбене к себе как к свидетелю многого из того, что описано в «Хронике», поднимало ее ценность и придавало ей исключительный авторитет в качестве исторического источника. Заявление хрониста «предпочитаю верить только тому, что вижу»¹², сделанное им с подчеркнутой

⁵⁹ Бицилли П.М. Салимбене. С. 93.

¹² “dispono non credere nisi que videro” (Cronica. P. 441; C. ?).

категоричностью в связи с разочарованием в иоакимизме, воспринималось как его “credo” историописателя и, соответственно, как своего рода авторское ручательство высокой надежности сообщаемых сведений. И, действительно, в десяти процентах случаев Салимбене говорит о предметах, которые он наблюдал сам: так, он видел и читал текст выступления Иннокентия III на Латеранском соборе (1215 г.); видел серебряную модель города Пармы, которую ее обитательницы как дар по обету поднесли Богоматери с целью получить от нее защиту города во время осады его императором в 1247-1248 гг.; видел зверинец Фридриха II, а также корону этого императора, утраченную им в результате поражения под Пармой; видел у Иоанна да ПIANO Карпини деревянный кубок, направленный татарским ханом в дар Людовику Святому⁶⁰, и ряд других интересных вещей. В среднем каждого второго из многочисленных лиц, упомянутых в «Хронике», Салимбене мог лицезреть сам, причем процентов пятнадцать из них – люди, игравшие в жизни XIII в. заметную роль и хорошо известные по другим источникам, как-то: император Фридрих II, французский король Людовик Святой, папа Иннокентий IV, маркиз д’Эсте, папские легаты, подеста итальянских городов, генеральные министры францисканского ордена. В пятнадцати процентах случаев он был непосредственным свидетелем описываемых им событий⁶¹. Казалось бы, цифры впечатляющие, они должны говорить о солидности и надежности «Хроники», о достоверности

⁶⁰ Cronica. P. 31, 283, 131, 293, 297 (С. ???).

⁶¹ Все эти данные взяты из обстоятельного исследования французского историка Жака Поля (*Paul J. Salimbene testimone e cronista*. P. 16-19).

содержащихся в ней сведений. Однако, как убедительно показывает Ж.Поль, личный опыт Салимбене на самом деле не столь богат, он вторичен и не имеет большого значения. Действительно, спрашивает французский историк, что́ из того, что Салимбене «видел императора шествующим по улице?» В большинстве случаев Салимбене мог наблюдать лишь отдельные фрагменты событий и явлений, поле зрения его в качестве частного лица было весьма ограничено⁶². Он предпочитал рассказывать о тех вещах, которые видел, и при этом преувеличивал их значение, подробно освещал то, что, на его взгляд, было наиболее примечательным, например, движение Аллилуйя, восстание в Парме против императора в 1247 г., события «рокового», по пророчествам иоахимитов, 1260 г. Соответственно, многие бесспорно важные события оказались в тени или полностью проигнорированы. По мнению Ж. Поля, Салимбене преувеличил значение прежде всего тех лиц и явлений, которые играли существенную роль в иоахимитской интерпретации истории⁶³. Невозможно, поэтому, не замечать влияния идеологических установок автора на отбор и подачу материала, преломления в рассказе о событиях, удостоверенных личными восприятиями, определенной концепции исторического процесса. Большой интерес проявлял Салимбене к императору Фридриху II, в котором иоахимиты усматривали мистического антихриста и со смертью которого, предрекаемой в 1260 г., связывали наступление новой эпохи. Преждевременная кончина Фридриха II в 1250 г. как будто бы заставила Салимбене

⁶² Ibid. P. 19, 20 (С. ?).

⁶³ Ibid. P. 31, 32 (С. ?).

разочароваться в иоакимизме⁶⁴, однако не отбила у него охоту к свойственному этому учению почти магическому восприятию текстов Священного Писания, к пророчествам и мистическим ожиданиям, что сильнее всего проявилось, например, во взгляде на события 1260 г. и начавшееся тогда движение флагеллантов⁶⁵.

При анализе историографических особенностей «Хроники» следует учитывать, что доля авторского участия Салимбене в различных частях сохранившегося текста неодинакова. Ее начало, повествование до 1212 г., представляет собой хронику Сикарда Кремонского с незначительными добавлениями Салимбене. Затем в разделах до 1281 г. роль Салимбене как автора резко возрастает, и эту часть «Хроники» вполне можно считать его самостоятельным трудом, хотя и написанным на основе «Книги временных лет» Альберта Милиоли или каких-то других близких к ней источников. Наконец, полностью принадлежащим Салимбене и ни в коей мере не производным от других сочинений является заключительный раздел «Хроники», посвященный 1281-1287 гг.⁶⁶.

К материалу чужих сочинений, которые использованы в «Хронике», Салимбене относился критически. Поясняя характер работы с подобного рода источниками, он писал о том, что ему придется «приводить их в порядок, улучшать, дополнять, сокращать и излагать хорошо грамматически (*grammaticam bonam ponere*), когда это будет необходимо, как мы уже сделали (и это ясно видно)

⁶⁴ Cronica. P. 440, 441 (C. ?).

⁶⁵ Ibid. p. 677 (C. ?). См. в этой связи: *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 237, 253, 256, 260, 264, 266, 283 и в других местах; *Scalia G.* Op. cit. P. 964, 965.

⁶⁶ Подробнее см.: *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 22-28.

выше, во многих местах этой хроники, где мы обнаружили множество ошибок и неточностей: некоторые из них были внесены переписчиками, делавшими много ошибок, а другие были допущены первыми сочинителями. Те, кто добавлял что-нибудь после них, в простоте душевной следовали им, не размышляя, правильно те сказали или нет. И так они поступали, то ли чтобы избежать трудов (*propter laborem vitandam*), то ли, возможно, потому, что не были сведущи в историописании»⁶⁷. Словом, Салимбене брался исправлять ошибки, неточности, даже грамматические огрехи своих предшественников, замечая, между прочим, что для работы над историческим сочинением потребны особые навыки (*peritia*). Какие именно, он специально не уточнял. Однако о принципах, которые должны быть положены в основу историописания, и том, как нужно строить изложение материала, он высказывался не раз.

Так, по признанию Салимбене, сам он добивался в историческом повествовании только правдивости и «не заботился о словесном украшении»⁶⁸, хотя, как явствует из приведенного ранее его заявления, он не гнушался заниматься литературной обработкой чужих сочинений, писанных «неотделанным, грубым, тяжелым, косноязычным слогом»⁶⁹. О том, как это стремление к исторической истине могло выражаться в «Хронике», позволяет судить фрагмент, повествующий о морской битве между пизанцами и генуэзцами 1284 г., по поводу исхода которой Салимбене сделал следующую

⁶⁷ *Cronica*. P. 41 (C. ?).

⁶⁸ “*nec fuit michi cure de verborum ornatu, sed tantum de veritate historie conscribende*” (*Ibid.* P. 269; C. ?).

⁶⁹ “*verba inculta et ruda et grossa et superflua*” (*Ibid.* P. 40; C. ?).

оговорку: «Число пленных и убитых из обоих городов я дать не пожелал, потому что сообщали о нем по-разному. Правда, архиепископ пизанский в письме епископу болонскому, своему родному брату, назвал некое число, но я и его тоже привести не захотел, потому что поджидал братьев-миноритов из Генуи и Пизы, ибо они точнее всех могут указать мне это число»⁷⁰. Здесь налицо осторожный, критический подход к различным данным военных потерь, приводившимся, по-видимому, заинтересованными сторонами (представителем такой стороны, несомненно, был архиепископ пизанский), а равно желание опереться на более достоверные оценки, с которыми могли выступить не связанные ни с одной из них и, следовательно, беспристрастные наблюдатели – францисканцы. *Беспристрастность*, или, если воспользоваться принятым в нынешнем историографическом обиходе термином, «объективность», так же как и правдивость, полагались Салимбене обязательными для историка, который, словно пушкинский Пимен-летописец, «добру и злу внимая равнодушно, ни ведая ни жалости, ни гнева», обязан без утайки фиксировать все, что попадает в поле его зрения. «Также в этом году случилось много такого, что (увы!) не достойно рассказа, однако не должно и замалчиваться», - эти слова, исполненные смиренной готовности все принять и доложить, а равно и отречения от личных пристрастий, предваряли сообщение о разгроме сына Карла Анжуйского – а сам Салимбене, несомненно, сочувствовал анжуйцам – в морском сражении силами Педро Арагонского¹³. Следование этому же принципу Салимбене

⁷⁰ Ibid. P. 779 (C. ?).

¹³ “Item in hoc millesimo multa facta sunt, (heu!) non digna relatu, tamen non silentio subticenda” (Ibid. P. 769; C. ?).

декларировал и применительно к характеристике выводимых им на страницах своей «Хроники» персонажей: «Историк должен быть лицом беспристрастным и не описывать только дурные дела какого-нибудь человека, умалчивая о хороших»⁷¹. И, действительно, в целом ряде случаев Салимбене давал неоднозначные оценки изображаемым им лицам, считая уместным показывать их с разных сторон. О монахе Герардине из Борго Сан-Доннино, сочинившем в иоакимитском духе трактат о грядущем обновлении христианской религии, запрещенный папой и сожженный по настоянию самого

⁷¹ “Debet enim historiarum scriptor communis esse persona, ita quod nec tantum omnia mala describat unius et omnia bona subtaceat” (Ibid. P. 685; C. ?).

⁷² Ibid. P. 758 (C. ?).

⁷³ Ibid. P. 902 (C. ?).

⁷⁴ См. на эту тему: *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 19-23 и в других местах.

⁷⁵ Cronica. P. 31 (C. ?).

⁷⁶ Ibid. P. 84 (C. ?).

⁷⁷ *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 21.

⁷⁸ Cronica, P. 78, 251 (C. ??).

⁷⁹ Ibid. P. 267 (C. ?).

⁸⁰ *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 55, 61.

⁸¹ “sacerdos et predicator” – называет он себя (Cronica. P. 53; C. ?). В 1247 г. Салимбене добился от папы Иннокентия IV права проповедовать, даже еще не получивши священства. Правда, тогдашний генеральный министр Иоанн Пармский настоял на том, чтобы тот подвергся экзамену (Ibid. P. 452, 453; C. ?).

⁸² *Бицилли П.* Салимбене. С. 59, 60.

Салимбене, хронист все же, имея в виду его человеческие качества, отозвался с симпатией: ибо, хотя этот брат Герардин и сочинил порочную и опасную книжонку (*libellum*), «имел он в себе много хорошего», «был человеком дружелюбным, любезным, щедрым, набожным» и т. п.¹⁴. Так же и поступил Салимбене и в отношении Манфреда, незаконнорожденного сына Фридриха II, упомянув среди прочих и о его «хороших качествах». И даже о самом Фридрихе II, к которому Салимбене в качестве стойкого приверженца партии Церкви в ее борьбе с Империей не мог не относиться враждебно, он то и дело отзывался уважительно, целое рассуждение посвятив «положительным и удовлетворительным качествам» императора¹⁵. И все же беспристрастность Салимбене как хрониста ни в коем случае не стоит преувеличивать. У него была своя позиция, и, отстаивая ее, он умел, как ему нужно было, представить тех или иных персонажей, изображая в основном в невыгодном свете, например, того же Фридриха II и других представителей его династии, смещенного генерального министра францисканцев Илью, так называемых «апостольских братьях» и уж тем более тех, кто не выказывал, как считал Салимбене, должного уважения к нищенствующей братии. О почившем реджийском епископе Гильельме ди Фолиано он написал так: «Ничего он не оставил монахам, ни братьям-миноритам, ни проповедникам... Он был похоронен в кафедральном соборе... На самом деле он заслуживал погребения в навозной куче»⁷².

¹⁴ Ibid. P. 660-664 (С. ?-?).

¹⁵ Ibid. P. 508 (С. ?). См. Также: Ibid. P. 859 (С. ?).

Салимбене писал не без плана, в его труде есть известный порядок и определенная последовательность. Этот порядок ему был навязан сочинениями Сикарда и Милиоли (или реджийской хроникой), следуя которым он должен был держаться хронологического принципа повествования. Правда, хронологический принцип, сковывавший автора, чем дальше по ходу его работы, тем больше нарушался, ибо сам материал очень часто требовал не погодного, но тематически компактного расположения. Салимбене чувствовал возникавшие из-за этого несообразности и должен был оправдываться, объясняя принятый им за основу порядок изложения как тем, что в нем отражается происходящее во времени течение событий и получение о них известий, так и подражанием примеру Моисея в качестве автора библейского Пятикнижия: «Если кто-либо меня спросит, почему я не поведал о татарах все за один раз, я отвечу, что в какой последовательности те или иные события происходили или я о них узнавал, в той же и надлежало мне их описывать: какие-то отнести к одному году, какие-то к другому, в том порядке, в каком они происходили и могли до меня дойти. Так поступал и Моисей в своих книгах, ибо он изложил все, что касается пожертвований и обетов, не за один раз, а в том порядке, в каком услышал от Господа, перемежая свое повествование другими историями»⁷³.

Однако Салимбене мало удавалось следование раз установленному плану, хронологический способ подачи материала мешал полноценной разработке тех или иных сюжетов и, поэтому, как нечто чуждое и внешнее им разрывался, а то и просто на время отбрасывался⁷⁴. Так, сообщив под 1198 г. об избрании папы Иннокентия III, Салимбене вскоре упомянул о его борьбе с альбигойской ересью, о созванном им в 1215 г. вселенском соборе,

об отношениях с императорами, а затем перешел незаметно для самого себя к борьбе Империи и папства уже при Григории IX (1227-1241) и Иннокентии IV (1243-1254) и к низложению Гогенштауфенов; только завершив тему, Салимбене видел, что слишком увлекся, и, обрывая себя, заметил читателю перед тем, как вернуться к событиям следующего по порядку 1199 г.: «Имей в виду, что приведенные выше слова о Фридрихе [II- *O.K.*], папе Григории [IX – *O.K.*] и Иннокентии IV сказаны наперед (*per anticipationem*) и как бы для заключения»⁷⁵.

После таких забеганий вперед или длинных отступлений, которые в иных случаях можно рассматривать в качестве самостоятельных трактатов, вставленных в «Хронику», Салимбене возвращался к принятому им принципу изложения, восстанавливая хронологическую последовательность событий. Например, по окончании долгого рассказа о своей родословной, отце, самом себе Салимбене считал нужным заявить: «Теперь вернемся к порядку и ходу истории и нашего повествования и начнем с того места, где остановились. Итак, выше мы сказали о том, что в год от Воплощения Господа 1229...»⁷⁶. Большой ряд примеров такого рода возвращения к исходному материалу (*ad pristinam materiam*) дан у П.М.Биццли⁷⁷.

Салимбене сознавал, что отступления нарушали принятый порядок, однако жертвовать ими не хотел и не вымарывал их из текста «Хроники», хотя и замечал, что появляются они «вопреки нашему намерению» (*preter intentionem nostram*)⁷⁸. Он увлекался какой-нибудь темой и позволял себе порассуждать о ней вволю очень часто с ущербом для хронологии, соблюдать которую как раз и составляло его намерение. Впрочем, этой своей слабости к отступлениям он даже подыскал тройное извинение: «Во-первых,

поскольку вопреки нашему намерению нам встречается материал, который мы, побуждаемые совестью, подчас не можем обойти молчанием, ибо, как сказано (Ин. 3.8), “дух дышит, где хочет” и “человек не властен над духом” (Еккл. 8.8). Во-вторых, мы всегда повествуем о вещах хороших, полезных и достойных того, чтобы о них сообщить, и которые в истории могут иметь большую ценность. В-третьих, потому что после мы благополучно возвращаемся к начатому предмету и вследствие этого ничего не упускаем из правдивого исходного повествования”⁷⁹. Ссылка на евангельские слова «дух дышит, где хочет» есть в сущности оправдание творческой свободы и – в порядке ее проявления – нарушения рационально установленных и положенных как нормативные самим же Салимбене правил, равно как и ссылка на то, что все эти «хорошие, полезные и достойные вещи» сами по себе заслуживают внимания. Этим признается самоценность авторских отступлений, которые не обязательно должны быть обусловлены целями исторического повествования.

Пособие для проповедников.

В свое время П.М.Бицилли очень хорошо объяснил некоторые особенности «Хроники», в частности широко в ней представленные авторские отступления⁸⁰, ее связью с религиозно-назидательной литературой и с деятельностью самого Салимбене в качестве проповедника⁸¹. Если тот или иной эпизод мог быть использован как нравоучительный пример, то для Салимбене это уже было достаточным основанием, чтобы его вставить в «Хронику», пусть даже он не имел никакого отношения к главному предмету повествования. Как пояснял П.М.Бицилли, для проповедника

исторический факт ценен сам по себе независимо от своей связи с другими⁸². И, сообщая о нем, он заботился уже не столько о фиксации исторической последовательности событий, сколько о моральном воздействии на слушателей или читателей. Рассказ об одном примечательном случае из жизни своего собрата-францисканца, известнейшего проповедника Бертольда Регенбургского (ок. 1210-1272) Салимбене заключил словами: «Этот пример наилучшим образом годится для обращения грешников»⁸³.

В «Хронике» собрано много подобного рода «примеров» (*exempla*), годных для использования в проповедях⁸⁴. К их числу можно отнести не только исторические события, но и анекдоты житейского характера, рассказы о необычных и чудесных происшествиях, видениях, явлениях трансцендентного мира, а также собственные переживания, сомнения и размышления автора «Хроники». Разумеется, далеко не все они могли претендовать на фактическую достоверность, и все же Салимбене не поколебался их вставить в свое повествование. Дело здесь не в «безразличном

⁸³ “Optime valet hoc exemplum ad conversionem peccatorum” (*Cronica*. P. 818; С. ?). О проповедях Бертольда Регенбургского см.: *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. М., 1990. С. 178-264.

⁸⁴ На это справедливо обращают внимание: *Биццлли П.М.* Салимбене. С. 61; *Pini A.I.* Bologna e la Romagna nella «Cronica sive Liber exemplorum ad usum praedicatorum» di Salimbene de Adam // *Salimbeniana. Atti del convegno per il VII Centenario di fra Salimbene.* Parma 1987-1989. Parma, 1991 (P. 174-197). P. 178; *Guyotjeannin O.* *Op. cit.* P. 84, 113

отношении к исторической истине», о котором писал П.М.Бицилли⁸⁵, а в том, что истина эта не сводилась исключительно к фактической, объективно установленной действительности события, но подразумевала более высокую цель – открыть человеку путь к спасению души. Именно в этом должен был видеть свою главную задачу проповедник, даже если он обращался к историческому материалу. Поэтому нельзя не согласиться с другим утверждением русского историка о том, что «проповедничество сильно отразилось на Салимбене как историографе»⁸⁶.

Для «потребы проповедника»⁸⁷ Салимбене заготавливал не только разнообразные «примеры», но и своды цитат из авторитетных источников, годных дать подходящие темы для проповедей на разные случаи. Подобрал восемь текстов о необычайных природных явлениях, он счел необходимым пояснить: «Я привел так много высказываний (auctoritates) из Священного Писания, потому что то и дело происходят и солнечные, и лунные затмения, и землетрясения, и если кому-нибудь доведется проповедовать, и у него не окажется тотчас под рукой тем (themata) на данный предмет, то он попадет в затруднительное положение»⁸⁸. Основная часть “высказываний” бралась Салимбене, как и другими проповедниками эпохи, из книг Ветхого и Нового Заветов.

Тяготение Салимбене к проповедническому жанру в полной мере обнаруживается в многочисленных отступлениях нравственно-поучительного характера, далеко уводящих от

⁸⁵ Бицилли П.М. Салимбене. С. 62.

⁸⁶ Там же. С. 59.

⁸⁷ “à l’usage du predicateur” (Guyotjeannin O. Op. cit. P. 113).

⁸⁸ Cronica. P. 800 (C. ?).

исходного сюжета и в большом ряде случаев представляющих собой наброски проповедей, а подчас и целые проповеди, отделанные и построенные по всем правилам⁸⁹. В рассказ о том, что приключилось с францисканским орденом в правление Ильи Салимбене вставил пространное рассуждение, открывающееся, как и полагалось в проповеди, темой, взятой из “Псалмов” (49.15), «призови Меня в день скорби; я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» и продолженное «конкорданциями», которые призваны были подтвердить единогласие с ней других авторитетных текстов. Далее давались по пунктам примеры тех, которые «призывали» Господа. Отдельные пункты могли, в свою очередь, подвергнуться делению и уточнению. Главный мотив избранной темы, в данном тексте «призвание» Господа, повторялась в приводимых Салимбене цитатах несколько раз⁹⁰.

В жанре проповеди выдержано в «Хронике» и слово о патриархе Антиохийском. Салимбене выделяет главное свойство его характера – снисходительное отношение к слабостям ближних при весьма взыскательном отношении к самому себе. В этой связи он приводит слова Иоанна Златоуста, формулирующие тему: «Хочешь стать и быть святым? Будь строг к жизни своей, к жизни других – великодушен. Пусть же люди узнают, что ты несешь тяжкую ношу и мало приказываешь». Развивая эту тему, Салимбене обращается к примерам из жизни патриарха⁹¹.

Увлеченность проповедничеством проявилась в повышенном внимании Салимбене к своим сотоварищам по ремеслу,

⁸⁹ Подробнее об этом см.: *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 54-59.

⁹⁰ *Cronica*. P. 152-173 (С. ?).

⁹¹ *Ibid.* P. 258-260 (С. ?).

деятельность которых была отражена на страницах «Хроники», причем так, чтобы можно было учесть не только положительные, но и отрицательные стороны их опыта. К последним следует отнести случай с францисканцем Кьяро из Флоренции, который, дважды выступив с проповедями по одному и тому же поводу, вызвал неудовольствие слушателей, посчитавших, что второй раз «он просто-напросто повторился», хотя, уточняет хронист, «он выказал все свое мастерство, дабы его вторая речь была совсем не похожа на первую»⁹². Как бы то ни было, а этот урок заставил Салимбене позаботиться о заготовке разнообразных «тем», то есть текстов из Библии и других авторитетных церковных источников, на определенные сюжеты. Не умолчал Салимбене также о том, что францисканцы и доминиканцы заранее обговаривали между собой порядок произнесения своих выступлений, а затем во время проповедей, будто бы получив откровение, сообщали своей пастве, о чем вели речь их товарищи, которые проповедовали в других местах¹⁶; и это «благочестивое» жульничество, усиливавшее в глазах мирян притягательность нищенствующих орденов, не вызывало осуждения хрониста. С большим почтением рассказывал он о Бертольде Регенсбургском и чудодейственной силе его проповедей, собиравших множество слушателей и обращавших их на путь праведный⁹³. Восхищался он также другим своим собратом-францисканцем – Уго-Соломинкой (Paucapalea), великим шутником и большим краснобаем (*magnus prolocutor*), опровергавшим и посрамлявшим ненавистников ордена. «Был он, -

⁹² Ibid. P. 800 (C. ?).

¹⁶ Ibid. P. 108 (C. ?).

⁹³ Ibid. P. 818 (C. ?).

по словам Салимбене, - неистощим по часим пословиц, басен и примеров, и они превосходно звучали в его устах, потому что все это он прилагал к нравам. Язык его был красноречив и приятен, и народ охотно его слушал. Министры же и прелаты ордена не любили его, ибо он говорил притчами и посрамлял их пословицами и примерами. Но это мало его беспокоило, потому что был он человеком прекрасной жизни»⁹⁴. Перед нами, по-видимому, распространенный тип популярного проповедника, умевшего говорить со слушателями их языком, их образами, их понятиями, тип, который выработался в среде францисканского монашества, тесно общавшегося с широкими слоями народа.

Приемы схоластической науки.

Салимбене не так уж долго систематически учился богословию⁹⁵. Однако неверно было бы утверждать, вслед за П.М.Бицилли, что язык Салимбене «выдает его незнакомство со схоластической наукой своим полным отсутствием «ученых», философских и богословских терминов»⁹⁶. Дело обстоит как раз наоборот. Его язык и стиль в большом ряде случаев обнаруживают достаточно широкое использование приемов и лексики, явно заимствованных из схоластики, освоение которой Салимбене мог

⁹⁴ Ibid. P. 239 (С. ?).

⁹⁵ По-видимому, только один год. См.: Ibid. P. 402 (С. ?).

⁹⁶ *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 59. Эту характеристику слово в слово (правда, без ссылки на источник заимствования) мы находим у И.Н.Голенищева-Кутузова (Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 228).

продолжать самостоятельно в ходе общения с учеными собратьями и чтения соответствующей литературы. По собственному его свидетельству, сделанному в 1284 г., с момента поступления в орден, а с тех пор уже минуло сорок шесть лет, он не прекращал учиться (*non cessavi postea studere*)⁹⁷. Книги, судя по некоторым его признаниям, были при нем постоянно, и он ими дорожил; любопытно признание, что в 1250 г., находясь в Парме, многие жители которой в ожидании грядущих гражданских потрясений «начали припрятывать, что у них было самого ценного», он, следуя их примеру, «тоже спрятал свои книги»¹⁷. Салимбене высоко ценил образованность и знание и ставил их на первое место, давая людям положительные характеристики. Так, Уго ди Кассио он называл «человеком образованным», короля Конрадина – «юношей образованным, прекрасно владеющим латинским языком», Гвидо де Бьянелло – «человеком образованным и незаурядных способностей»⁹⁸. Причем, если для светского лица ученость служит украшением, и ее отсутствие само по себе не грех и не позор, то для клирика она совершенно необходима, ибо без нее он не в состоянии справиться со своими пастырскими обязанностями. По словам Салимбене, «необразованный прелат все равно что коронованный осел»⁹⁹.

⁹⁷ Cronica. P. 402 (C. ?).

¹⁷ “...ceperunt abscondere multi que cariora habebant. Ego etiam abscondi libros meos...” (Ibid. P. 538; C. ?).

⁹⁸ Ibid. P. 77, 690, 899 (C. ???).

⁹⁹ Ibid. P. 175 (C. ?). И несколько ниже: «Очень трудно иметь дело с невежественным и глупым прелатом» (Ibid. P. 176; C. ?).

Отношение Салимбене к науке и образованию отражает перемену, происшедшую во францисканском ордене. Во второй четверти XIII в. орден стал пополняться людьми, прославленными ученостью, и вместо прежнего пренебрежения ею, свойственного основателю францисканского движения и его сподвижникам, новые руководители ордена, в особенности Бонавентура, считали образованность обязательной для адептов своей конгрегации, поощряя ученые занятия, панораму которых, конечно же, неполную, можно найти в труде Салимбене¹⁰⁰.

По верному замечанию О.Гийожаннена¹⁰¹, Салимбене довольно часто умышленно употреблял специальную лексику из словаря университетских диспутов. Евангельскую цитату "от крови Авеля до крови Захарии" [Лк. 11. 51] хронист пояснял в терминах, свойственных современной ему схоластике, полагая ее смысл эквивалентным понятию "от исходного предела до конечного предела"^{101a}. Строя рассуждение, он выдвигал вопрос, который подлежал исследованию (*querendum est*), и затем разбирал его по частям в ряде пронумерованных аргументов (*primo... secundo... tertio... etc.*), причем приводил иногда доводы не только «за», но и «против» предлагаемого решения вопроса. Подобные приемы были

¹⁰⁰ Об этом и других затронутых выше вопросах см.: *Котляревский С.А.* Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках. М., 1901. С. 145 и далее; *Герье В.* Франциск апостол нищеты и любви. М., 1908. С. 260 и далее; *D'Alatri M.* Clero e cultura // Paul J., D'Alatri M. *Salimbene da Parma.* (P. 201-215). P. 202, 203, 205, 211, 214, 215.

¹⁰¹ *Guyotjeannin O.* Op. cit. P. 84.

^{101a} ""*A sanguine Abel iusti usque ad sanguinem Zacharie*", tamquam a termino a quo usque ad terminum ad quem..." (Cronica. P. 129; C. ?).

хорошо разработаны в схоластике – чтобы убедиться в этом, стоит обратиться к «Суммам богословия» Фомы Аквинского (1225/1226-1274) или его предшественника и гордости францисканского ордена Александра Галесского (Гэльского, ум. 1245). Разумеется, исследование той или иной проблемы у Салимбене не столь детализировано и нюансировано, как у именитых схоластов, но ведь и писал он не ученый трактат, а хронику, в которой, используя опыт университетской науки, старался придать своим рассуждениям определенную систематизацию. Так, по поводу остроты одного монаха, сказанной им в ответ на слова собеседника, Салимбене предпринял специальное рассуждение: «Но нам следует установить, хорошо ли брат ответил или нет. И мы говорим, что он ответил дурно по многим причинам». Далее дан перечень из восьми пунктов, дополненный тремя пунктами, по которым брата можно извинить¹⁰².

Числовая расчлененность аргументации, ее построение в некоей логической последовательности обеспечивали не только упорядоченность материала в духе требований богословской школьной выучки, которой Салимбене, конечно же, не был чужд, но и облегчали восприятие этого материала на слух, случись сам хронист или кто-то другой пожелали бы его использовать в

¹⁰²Ibid. P. 112-115 (С. ?). См. также исследование Салимбене о том, допустимо ли исповедоваться другому священнику (в чем заинтересованы были представители нищенствующих орденов), в котором хронист по правилам схоластики приводит аргументы (опираясь на мнения церковных отцов) «за», далее возражения на них и, наконец, общее заключение, изложенное по пунктам (Ibid. P. 589-591; С. ?).

проповеди. Стоит обратить внимание на одну отмеченную еще П.М.Бицилли особенность подобного рода подразделений (*divisiones*) у Салимбене, который «почему-то питает слабость к делению всякой «материи» на 12 пунктов»¹⁰³. Причем даже в тех случаях, когда у хрониста не было более аргументов, чтобы число довести до 12, он приходил к этому числу с помощью очевидных натяжек. Насчитав, например, десять «несчастий» Фридриха II, Салимбене на полях приписал: «к этим десяти несчастьям императора Фридриха мы можем добавить еще два, чтобы получилось у нас число двенадцать»¹⁰⁴. Исчисляя «глупости» (*stultitiae*) Гиберто да Дженте, Салимбене сумел дойти только до числа восемь, в связи с чем он раздробил восьмую «глупость» еще на четыре, при этом засчитав притязания Гиберто на два города за две самостоятельные «глупости» («в-третьих и в-четвертых, два соседних с Пармой города, а именно Модену и Реджо, он [Гиберто – *О.К.*] желал прибавить к своим владениям»¹⁰⁵) и так пришел к искомому числу двенадцать. Трудно сказать без каких-либо указаний самого автора, что его привлекало в этом числе, но несомненно то, что для Салимбене оно обладало определенным символическим содержанием¹⁸.

¹⁰³ *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 61.

¹⁰⁴ *Cronica*. P. 502 (С. ?).

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 654 (С. ?).

¹⁸ Скорее всего, для Салимбене это число, равное числу апостолов, обладало неким сакральным содержанием и в силу этого неоспоримой доказательной силой. Ср. с раннесредневековой юридической и церковной практикой, требовавшей для подтверждения кем-либо своей правоты наличия именно двенадцати

На пути от “*exempla*” к новеллам.

«Салимбене любит анекдоты и хорошо их рассказывает. — замечает Л.П.Карсавин. — Но рассказав, он сейчас же пытается извлечь из анекдотов мораль и несколько строчек веселой историйки сопровождает страницами текстов и богобоязненных размышлений»¹⁰⁶. Действительно, у Салимбене дело обстоит так или, если быть точным, почти всегда так. Ибо он старался не столько позабавить читателя занимательными рассказами, сколько дать ему готовые «примеры» (*exempla*), которые могли бы быть использованы в проповеди с целью сделать ее содержание более доходчивым и запоминающимся для слушателей. И эти анекдоты-«примеры», как правило, уже сами по себе, - безразлично, сопровождалась ли они нравоучительными рассуждениями и цитатами из Писания, призванными разъяснить, как их должно понимать, или нет — имели назидательный характер.

свидетелей: согласно Рипуарской правде (Гл. 10), тот, кто убил человека церкви, обязан уплатить 100 солидов или же поклясться с двенадцатью соприсяжниками, что он неповинен в этом убийстве; Григорий Турский в своей "Истории франков" (VIII. 40. Перевод В.Д.Савуковой. М., 1987. С. 241), повествуя о разбоях некоего Пелагия, сообщил, что тот, желая очиститься от обвинений в совершенных им преступлениях, привел двенадцать человек, готовых поклясться в его невиновности.

¹⁰⁶ *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии. Пг., 1915. С. 39.

Большой ряд такого рода «примеров» дан в рассказах о проделках бесов, которые бесцеремонно вторгаются в повседневную жизнь, эксплуатируют греховные страсти людей, вводя их в соблазн и причиняя им зло. Один брешшанец, учивший детей читать Псалтирь, подстрекаемый бесом из-за боязни великого голода запасал дома муку и сухари, и, по словам Салимбене, именно это и стало причиной его жалкой смерти: дьявол, выследив, когда тот находился дома один, недужный, «его-то и задушил, надругался над ним и бесчестно с ним обошелся»¹⁰⁷. Провокации дьявола принимают подчас самую неожиданную и даже кощунственную форму, верующий должен быть готов ответить на любой вызов инфернальных сил. Некоего монаха дьявол соблазнил обещанием папского престола, являясь ему «то в обличии Распятого, то в обличии блаженной Девы Марии, блаженного Франциска, блаженного Антония, блаженной Клары, блаженной Агнессы». Казалось бы, разве можно не обмануться и не искутиться подобными видениями? Оказывается, можно, и это удалось одному «молившемуся пред алтарем святому отцу», который, когда ему явился под видом Распятого дьявол и сказал: «Я есмь Христос, поклонись мне и не думай ни о чем!», - опустил глаза долу и отвечивал: «Пошел прочь, сатана, ибо в этой жизни я не стремлюсь увидеть Христа», - и посрамленный дьявол исчез¹⁰⁸.

Земная жизнь воспринималась как поле брани трансцендентных сил добра и зла, и главным объектом этой борьбы считался человек, его душа. За всем, что происходит в мире, проницательный богослов и моралист средних веков, вроде Салимбене, должен

¹⁰⁷ Cronica. P. 904 (C. ?).

¹⁰⁸ Ibid. P. 824, 825 (C. ?).

видеть скрытый, потаенный смысл и на различных *примерах* объяснять его людям. Поэтому даже в тех событиях и происшествиях, которые объяснимы естественными причинами, усматривали явление мира потустороннего, активно реагирующего на то, что творится в мире дольном, и защищающего в нем свои интересы. Некто Негро ди Леккатерра из Модены, сказано в «Хронике» Салимбене, развел в храме Девы Марии костер, желая спалить его дотла, и произнес: «Ну, защищайся, Святая Мария, если сможешь!», - и тут «пущенное кем-то копье пробило ему доспех, попало в сердце, и он тот же час пал мертвым». Ничего необычного, казалось бы, в такой смерти нет, однако Салимбене иного мнения: «полагают, - пишет он, - что поразил его не иначе, как сам Меркурий, которому и раньше случалось карать за нанесенные преславной Деве Марии обиды, и что именно он поразил копьем Юлиана Отступника в войне с персами»¹⁰⁹. Салимбене не смуцало ни то, что убийцей святотатца вполне мог быть обычный человек, сводящий с ним какие-то счета, ни то, что Меркурий – бог языческого пантеона, а в языческих богах христианство обычно находило персонификации демонических сил.

Таким образом, чудесное совсем не обязательно должно проявляться в нарушении естественного порядка вещей, но, имея в основе действие трансцендентных начал, могло либо воплощаться в этом порядке, используя его, либо менять его в своих видах.

В качестве причин явлений чудесных или необычных выступали силы не только божественные, но и дьявольские. И последние, если верить «Хронике» Салимбене, обнаруживают себя гораздо чаще, повсюду подстерегая человека и угнетая его всевозможными

¹⁰⁹ Ibid. P. 860, 861 (С. ?).

бедствиями¹¹⁰. Повествуя о дьяволе, «который погубил двух школяров и позорно обошелся с третьим», Салимбене привел эпизод, показывающий, что дьявол способен на невозможное по обычным представлениям: у одержимого бесом человека монах брат Пьетро потребовал, чтобы тот заговорил на латыни, и бес «повел речь на прекрасной латыни, чему брат Пьетро был крайне изумлен, ибо видел перед собой грубого и неотесанного мужлана, который так складно говорил с ним и так бойко рассуждал»¹¹¹. Особенно опытны бесы в искушениях, коими человек как бы по собственной его воле направлялся по пути гибели. Среди прочих историй о происках нечистой силы Салимбене поведал, как одного монаха бес соблазнял обещанием возвести на папский престол, другого попутал так, что, поддавшись его уговорам, этот монах согласился подвергнуться распятию¹¹².

В некоторых случаях, впрочем, роль беса весьма двусмысленна, цель его проделок, подчас веселых проказ, не столько причинить зло человеку и уловить его душу, сколько проучить тех, кто самовольно склоняется ко греху. Так, один бес несколько раз давал оплеухи засыпавшему во время молитвы монаху, когда же монах увидел его и обругал, бес ему ответил: «Вы, неблагодарные, ропщете, еще и не довольны, а я тем временем украл у вас ваши

¹¹⁰ О демонах и их воздействиях на жизнь человека у проповедников и религиозных писателей средних веков см. подробнее: *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках. С. 70-80.

¹¹¹ Cronica. P. 837 (С. ?).

¹¹² Ibid. P. 823. 827 (С. ??).

молитвы»¹¹³. Бесы в подобных ситуациях выполняли функцию своего рода полиции нравов, являясь той репрессивной силой, которую Бог пропустил в мир, дабы злом, врачующим грехи, содействовать добру. Не случайно святой Франциск – его слова приводит Салимбене для пояснения приведенного выше рассказа о бесе, укравшем молитвы у нерадивого монаха, - умея проявить сердечность и оправдать любую тварь, даже отпавшую от Бога, называл бесов «гастальдами Господа нашего, которых Он поставил для поучения людей», разрешая в нас вселяться, когда мы отклоняемся от добра¹¹⁴.

Историйки о бесах, преподнесенные в виде «примеров», близко напоминают новеллы, очень популярный в средние века жанр литературы¹¹⁵. Ту или иную из них можно было извлечь из «Хроники» и вставить как отдельный самостоятельный рассказ в сборник новелл, вроде «Новеллино» или «Римских деяний», по своей сути являющихся сводом нравоучительных «примеров», почерпнутых из разных источников. Религиозно-назидательные задачи особенно бросаются в глаза в «Римских деяниях» (сборник составлен на рубеже XIII-XIV вв.), каждый сюжет которых призван быть иллюстрацией, очень часто довольно-таки условной, той или

¹¹³ Ibid. P. 831 (C. ?).

¹¹⁴ Ibid. (Там же). См. в этой связи: *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках. С. 112, 113.

¹¹⁵ В этой связи см. также наблюдения: *Violante C.* Motivi e carattere della Cronica di Salimbene // *Annali della Scuola Normale di Pisa. Lettere, storia, e filologia. Ser. II. Vol. XXII (1953) (P. 108-154). P. 143* и далее.

иной идеи христианского сознания эпохи¹¹⁶. Генетическая связь с «примерами» ощутима и в итальянском сборнике «Новеллино»¹¹⁷ (составлен в конце XIII в.), его материалы, преследующие цели не только развлекательные, но и нравственно-воспитательные, заимствованы в значительной мере из хроник и церковно-учительной литературы¹¹⁸. Предметом повествования становится и эпизод из жизни человека известного (например, императора Фридриха II) или неизвестного, и удачно сказанное слово, и бытовые ситуации, рассказанные как притчи. Однако интерес к

¹¹⁶ Вот некоторые из них, взятые на выбор: «О коварстве дьявола и о том, сколь неисповедимы суды божьи», «Кого Дьявол обогатит, потакая их алчности, тех в конце концов толкает в геенну», «О доблестной битве Христа и его победе», «О том, что мир погружен во зло и человека со всех сторон одолевают напасти». См. в сб.: Средневековые латинские новеллы. Подготовка издания С.В.Поляковой. Л., 1980. С. 97-109. К сожалению, в русском издании тексты новелл приведены не полностью, поскольку волей издателя были опущены так называемые «морализации», то есть данные автором (или авторами) надлежащие смысловые толкования к каждому повествованию, а это лишает читателя возможности адекватного восприятия произведения.

¹¹⁷ На зависимость «Новеллино» от «примеров» и житийной литературы средневековья справедливо акцентирует внимание М.Л.Андреев («Новеллино» в истории итальянской литературы и европейской новеллы // Новеллино. Издание подготовили М.Л.Андреев, И.А.Соколова. М., 1984 (С. 219-251). С. 234, 244).

¹¹⁸ Например, сюжеты новелл XV, XVII, XIX, XXII, XXIII и ряд других (см. комментарии: Новеллино. С. 266, 268, 270, 271).

подтексту, то есть к назиданию, уроку, не подавляет и не умаляет интереса к прямому их содержанию, в некоторых случаях, особенно в житейских анекдотах, уже претендующему на самоценность¹¹⁹.

Такого же свойства иные заметки Салимбене, повествовательные и художественные достоинства которых заставляют вспомнить не только названные выше анонимные сборники новелл, составленные вскоре после его «Хроники», но и подчас «Декамерон» Боккаччо¹²⁰. В связи с соперничеством монахов доминиканского и францисканского орденов Салимбене привел историю о том, как брат Диотесальви высмеял кандидата в святые от доминиканцев Иоанна из Виченцы: придя однажды в обитель доминиканцев, Диотесальви согласился принять их приглашение на трапезу при том условии, что ему дадут кусок туники брата Иоанна, дабы хранить ее как реликвию; после же трапезы он пошел в нужник и подтерся ею, а затем стал ворошить содержимое нужника, крича, что потерял реликвию; доминиканцы услышали крик и высунулись в окошечки, но, почувствовав нестерпимую вонь и увидя действия Диотесальви, поняли, что он их провел. Конечно, это – не просто забавная повестушка о нравах монашества, но одновременно и

¹¹⁹ См., например, новеллы LVII, LVIII (Там же. С. 72).

¹²⁰ Э.Ауэрбах (Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 220-222) подчеркивает отличие «Декамерона» от анонимных сборников новелл и анекдотов «Хроники» Салимбене, однако он явно недооценивает морально-назидательный смысл «повестушек» Боккаччо, несомненно присущий каждой из них, а еще больше – произведению в целом и этим (не говоря уже о повествовательных приемах) сближающий их со скромными творениями предшественников.

назидательный сказ о том, как может быть посрамлена гордыня в человеке, слишком возомнившем о себе. В другой раз Диотесальви, сам оказавшийся объектом шуток, удачным ответом снискал уважение своих пересмешников: однажды зимой на улице он поскользнулся и упал на глазах флорентийцев, известных острословов; один из них спросил его, не желал бы он иметь что-нибудь под собой; да, - ответил Диотесальви вопрошавшему, - твою жену¹²¹.

Салимбене отлично чувствовал публицистическую силу таких историек и знал, как ее использовать. Умелый рассказчик, он, тем не менее, не признавал за ними художественной самоценности. Ему они нужны были или как «примеры», или как «аргументы»: проповедь можно было оживить и сделать более убедительной, используя такого рода «примеры», однако и в спорах допустимо апеллировать к искусно преподнесенным житейским и иного рода случаям, наряду с другими аргументами (цитатами из Священного Писания, церковных отцов, мудрецов древности и т.п.). Отстаивая в полемике прежде всего с приходским духовенством, привилегию францисканцев выслушивать исповеди, Салимбене, наряду с многочисленными ссылками на Библию, привел «плутовской, но истинный рассказ, который папа Александр IV передал брату Бонавентуре»: в сущности, поведенная Салимбене история представляет собой готовую новеллу, повествующую о том, как приходской священник, исповедовавший некую даму и пожелавший овладеть ею прямо за алтарем, был посрамлен и публично ославлен – дама, пообещав удовлетворить его похоти в более подходящем месте, выскользнула из его рук, затем испекла и

¹²¹ Cronica. P. 111 (C. ?).

послала ему великолепный пирог, начиненный, однако человеческими испражнениями, а священник, решив преподнести этот пирог своему епископу, был им изобличен в греховных намерениях и наказан. За этим рассказом чуть дальше следует «другой рассказ, грустный», но на ту же тему: некая дама, многократно изнасилована священниками во время исповедей в церкви за алтарем и, доведенная до отчаяния, уже готова покончить с собой, но ее спасает брат-минорит, который, не покушаясь на ее честь, исповедовал ее и отпустил ей грехи¹⁹. Смысл этих историй совершенно ясен, они – аргументы, показывающие преимущества нищенствующей братии перед белым духовенством в качестве исповедников.

В связи с новеллистическими сюжетами «Хроники» Салимбене стоит упомянуть и рассказы о проповедях прославленного францисканца Бертольда Регенсбургского. Все эпизоды, повествованные Салимбене, посвящены чудесам, творимым проповедями Бертольда, и напоминают уже не «примеры» (*exempla*), но фрагменты жития (*vita*). Материалы житийного жанра, как известно, также послужили становлению европейской новеллы. Близость к ней рассказов о чудо-проповедях Бертольда несомненна, ибо каждый из них закончен в себе и, поэтому, без ущерба для его содержания может быть извлечен из контекста и преподнесен как вполне самостоятельное произведение. Так, Салимбене повествует о хлебопашце, которого, вопреки его желанию, господин не отпустил на проповедь Бертольда, ибо ему надлежало работать в поле, но который, тем не менее, не только услышал эту проповедь, понял ее и запомнил, хотя находился на удалении десятков миль от

¹⁹Ibid. P. 591-595 (C. ?-?).

Бертольда, но и сумел вспахать участок такого же размера, как и в другие дни; господин же, вернувшись с проповеди, не смог пересказать ее содержание, тогда как крестьянин хорошо это сделал; пораженный чудом господин более уже не возбранял своему крестьянину посещать проповеди Бертольда¹²².

Таким образом, «Хроника» Салимбене чревата новеллой, по ходу ее из «примеров» и житийных заметок то и дело возникают рассказы, в которых элемент художественно-повествовательный играет свою особую роль наряду с другими. Правда и то, что рассказы Салимбене не были замечены и использованы составителями новеллистических сборников конца XIII-начала XIV вв. Но это было делом случая, превратившего сочинение Салимбене с самого начала в мало доступное для читателя.

Эпоха и среда.

В «Хронике» Салимбене напрасно было бы искать новые и свежие мысли, тонкие и неожиданные наблюдения. Ее автор никоим образом и не претендовал на оригинальность. Он типичный, вполне заурядный представитель своего времени и интересен прежде всего тем, что сумел хорошо передать взгляды людей своего круга и чина, характерные для них установки сознания.

Салимбене был убежден, что всем, творящимся в мире, управляет Божественное провидение, которое обладает абсолютной властью и не оставляет места никакой случайности. Фортуна, в его понимании, - это не персонификация иррациональной

¹²² Об этом и других чудесах с проповедями Бертольда см.: Cronica. P. 814 (C. ?).

переменчивости и непостижимой подвижности наличного бытия, но не более, чем обозначение силы, послушной Божьей воле. Он выражает свойственное мыслителям христианского средневековья воззрение, утверждая: «О колесо фортуны, которая то низвергает, то возносит! Впрочем, не фортуна, но Господь «умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возносит; Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает» (1 Цар 2, 6-7)»²⁰. Каждое событие имеет высший смысл и должно рассматриваться как производное трансцендентной каузальности, а не просто как звено доступной непосредственному восприятию внешней связи явлений. В 1258 г. папский легат и архиепископ Равеннский Филипп был захвачен веронским тиранном Эццелино да Романо, как отметил Салимбене, «попущением Божьим» в воздаяние за жестокое обращение со своей челядью²¹. Под 1287 г. хронист сообщает, что в Парме упал с высоты и разбился новый колокол, «никому не причинив вреда, только сломал ногу одному молодому человеку», и это было в отношении него не нелепой случайностью, но наказанием и судом Божьим, ибо незадолго перед тем молодой человек поколотил своего отца²². Как видим, суд Божий не заставляет долго себя ждать, и не обязательно он откладывается до смерти человека, но очень часто происходит еще при его земной жизни, как бы вмешиваясь в нее и корректируя или даже прекращая

²⁰ Ibid. P. 5 (С. ?). См. В этой связи: *Кудррявцев О.Ф., Уколова В.И.* Представления о фортуне в средние века и в эпоху Возрождения // *Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе.* М., 1983. С. 174-202.

²¹ Cronica. P. 576 (С. ?).

²² Ibid. P. 923 (С. ?).

ее течение²³. Примеры этого можно было бы продолжить, однако и приведенных достаточно, чтобы увидеть, сколь тесно, по Салимбене, мир дольний связан с миром горним, что оба они – по сути одно целое, что в каждом явлении и событии *этой* действительности запечатлен промысл Божий, который следует увидеть, понять и правильно, то есть сообразно высшей целесообразности, истолковать. Именно этим то и дело занимается Салимбене по ходу своего повествования.

Поскольку *этот* мир лишен имманентной ему причинности, то как таковой, в своей феноменальной данности он воспринимается как ложная, способная увести человека от истинной цели реальность, достойная, поэтому, осуждения и презрения. Тема презрения к миру постоянно разрабатывалась виднейшими мыслителями европейского средневековья, и Салимбене, касаясь ее, прибегнул к цитированию предшественников – Августина, Григория Великого и «Прекрасного и полезного трактата о презрении к миру», сложенного неким стихотворцем, дабы убедить в том, что, во-первых, «мира цветение есть обольщение, душам грозящее», а, во-вторых, «смертному надобно мериться к подвигу/ Богоугодному и неподвластному смерти прожорливой,/ Чтобы когда уже мирские ценности сгинут, бесследные,/ Нам удостоиться славы и радости неистлевающей»²⁴. Вместе с наличным миром утрачивала подлинную ценность и самостоятельное значение земная жизнь человека. Вся «Хроника», в сущности, имела в виду, прежде всего, показать и подчеркнуть убогость и ничтожество этой

²³ О суде Божьем, явленном в смерти различных описанных в «Хронике» персонажей, см.: Ibid. P.929, 930, 944 (С. ???).

²⁴ Ibid P. 551-553 (С. ??).

жизни, однако Салимбене кроме того не удержался, чтобы особо остановиться и привести на сей счет мнение Августина («О, жизнь! Скольких ты обманула, скольких соблазнила, скольких ослепила!») и пространное сочинение поэта-ваганта Примаса Орлеанского («Горе мне, о жизнь земная!»)²⁵.

Одним из аспектов неприятия и отвержения *этого* мира было настороженное, подозрительное отношение к женщине, в которой средневековое сознание усматривало один из наиболее сильных и опасных мирских соблазнов, греховную приманку, влекущую на путь порока и гибели. Такое отношение к женщине не было чуждо Салимбене, собравшему в рассуждениях, направленных против так называемых «апостольских братьев», свод библейских цитат с явно выраженной «антифеминистской» направленностью²⁶. Впрочем, может показаться, что Салимбене делал исключение по крайней мере для одной женщины – своей матери, о которой отзывался с большим почтением, характеризуя ее как женщину благочестивую, набожную, творившую дела милосердия¹²³. Однако в рассказе о страшном землетрясении, приключившемся в его раннем детстве (1222 г.), он счел нужным заметить, что мать в минуту опасности поступила недолжным образом: она схватила и вынесла на руках двух его старших сестренок, тогда как ей следовало бы прежде всего позаботиться о нем, лежавшем в колыбели младенце¹²⁴. И вызванное этим эпизодом чувство обиды сохранялось в нем вплоть до старости, когда он сел за сочинение

²⁵ Ibid. P. 872-878 (С. ?-?).

²⁶ Ibid. P. 390 (Р. ?).

¹²³ Ibid. P. 77 (С. ?).

¹²⁴ Ibid. P. 48 (С. ?).

«Хроники». Объяснение такой «литературной выходке» Салимбене против собственной матери можно было бы подыскать в будто бы свойственном ему эгоизме, о котором уже шла речь в историографии¹²⁵. Гораздо правильнее, однако, увидеть в подобном чувстве проявление характерного для человека средневековья убеждения в том, что мальчик и девочка – существа неравноценные, что жизнь первого как продолжателя рода и кормильца гораздо важнее, и в силу этого именно его, мальчика, нужно беречь и лелеять в первую очередь. Руководствуясь именно такого рода убеждением, Салимбене в описанном эпизоде и осуждал свою мать¹²⁶, о которой в других случаях говорил с симпатией.

Выходец из кругов городской знати, Салимбене, даже став монахом-францисканцем, держался привитых ему с детства рыцарско-куртуазных идеалов. Как подчеркивает П.М.Биццлли, Салимбене аристократ особого рода, он – республиканец, дурно относившийся к тирании, всегда державший сторону городской знати¹²⁷. Стоит сказать, что именно Салимбене, пожалуй, первому из историографов, принадлежит наблюдение о различиях между феодальным классом Франции и Италии. Будучи во Франции, он заметил, что там «рыцари и благородные дамы обитают в своих

¹²⁵ *Gurevic A.J.* La nascita dell'individuo nell'Europa medievale. Roma-Bari, 1996. P. 232.

¹²⁶ «И от того-то я ее не так сильно любил, потому что она должна была заботиться более обо *мне, мужчине*[курсив мой – *О.К.*], чем о дочерях (Cronica. P. 48; C. ?).

¹²⁷ *Биццлли П.М.* Салимбене. С. 191, 192. Близкая характеристика социальных идеалов Салимбене дана в работе Виоланте: *Violante C.* Op. cit. P. 122.

усадебных и имениях», в городах же живут только горожане (*burgenses*), тогда как в Италии «рыцари и могущественные и знатные проживают в городах»¹²⁸.

Салимбене придавал великое значение происхождению человека. Ему чужда мысль о том, что благородство определяется нравственными достоинствами, свойствами души. Разделяя «предрассудки» своего класса, он доверял породе, был убежден, что благороден лишь тот, кто происходит от благородных родителей, ибо вместе с их социальным статусом он должен наследовать и высокие сословные качества благовоспитанности и великодушия (*curialitas, liberalitas*), которые Салимбене часто противопоставлял грубости и алчности (*rusticitas, avaritia*)¹²⁹. Соответственно, к простонародью – будь то горожане или крестьяне – он относился с презрением. Его социальное кредо выражают слова: «Пополаны и мужланы суть те, которые приводят мир в беспорядок, а рыцари и нобили сохраняют его»¹³⁰. Каждый обязан соблюдать свое место в социальной иерархии, ибо предназначен служить определенной

¹²⁸ Cronica. P. 318, 420 (С. ?). По поводу изгнания нескольких знатных семей из Болоньи Салимбене записал: «...из-за ярости разгневанного народа болонские рыцари боятся жить в городе и *по обычаю галлов* [курсив мой – О.К.] живут в своих сельских имениях (Ibid. P. 938; С. ?).

¹²⁹ Эта тема более обстоятельно исследована в работе Виоланте (*Violante C. Op. cit. P. 110-132*).

¹³⁰ “populares et rustici sunt per quos destruitur mundus et per milites et nobiles conservatur” (Cronica. P. 938; С. ?). “Rustici” – в качестве социальной категории обычно применялось к крестьянам, “populares” – к городскому населению незнатного происхождения.

цели. Поэтому никто из низов не должен претендовать на изменение своего положения. «Хуже нет ничего, - любил повторять Салимбене «чи-то» стихи, по-видимому, ставшие уже расхожим общим местом, - чем подлый, поднявшийся к власти»¹³¹. Прочитав поэта-публициста Патеккьо, писавшего на народном языке и в своем сочинении «Досады» (Taedia) изобразившего нарушение установленного порядка различными посягательствами «подлого» люда на то, что ему не подобает («[Отвратительно] и когда из грязи выходят в князи»), Салимбене пояснил: «Поэт хочет сказать, что отвратительно, когда то, что должно быть внизу, лезет наверх»¹³².

Это предвзятое, недоброжелательное отношение к неблагородным сословиям и их представителям постоянно дает о себе знать в «Хронике». Причастность к францисканскому ордену, известному демократичностью своего состава, не мешала Салимбене осуждать орденские порядки, не считавшиеся со знатностью рода. В связи с братом Ильей, добившемся поста генерального министра францисканцев (1232-1239), которого Салимбене презирал за темное происхождение, в «Хронике» написано: «Заметь, что в ином монашеском ордене некогда будут люди, бывшие в миру знатными, богатыми, могущественными... Тем не менее во главе таких людей ставится прелат, рода не совсем известного...». И это, по Салимбене, не может не привести к

¹³¹ Ibid. P. 93, 150, 942 (C. ???). На самом деле Салимбене приводит стихи Клавдиана (На Евтропия. I. 181), языческого поэта рубежа IV-V вв.

¹³² Ibid. P. 938 (C. ?). См. подробнее о социальных взглядах Салимбене: *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 191-197.

бедственным последствиям¹³³. Сходным образом, объясняя злонравие настоятельницы луккского монастыря Св.Клары, обвинившей монахов-миноритов в попытках любодействовать с ее клариссами, Салимбене ссылался на то, что «была она дочерью какой-то геновской булочницы и правление ее было отвратительным и жестоким, вместе с тем бесчестным»¹³⁴. В собрате по ордену Богавентуре из Изео Салимбене задевала «заносчивость, словно у какого-то барона», на которую тот, по убеждению хрониста, не имел права: ведь, «как поговаривали, матерью его была мелкая лавочница»²⁷.

Существенным моментом, во многом определявшим отношение Салимбене ко всему, что он описывал, являлась его принадлежность к францисканскому ордену, интересы которого он воспринимал почти как свои собственные. Довольно часто в зависимости от того, как складывалась жизнь францисканцев в том или ином владении, городе, диоцезе, как их принимали, какие привилегии и милости им оказывали, Салимбене изображал, выставляя в выгодном или невыгодном свете, конкретных феодальных синьоров, прелатов и церковные конгрегации, городские коммуны и корпорации, а также отдельных персонажей,

¹³³ Cronica. P. 172 (C. ?). Подробнее об Илье см.: *Биццилли П.М.* Салимбене. С. 211-226.

¹³⁴ “erat enim filia cuiusdam fornariae Ianuensis” (Cronica. P. 95, 96; C. ?).

²⁷ “Verumtamen ultra modum baronicabat, cum filius fuerat cuiusdam tabernariae, ut dicebatur” (Ibid. P. 805; C. ?).

привлекавших его внимание¹³⁵. Благожелательная характеристика короля Иерусалимского Иоанна (ум. в 1237 г.), данная ему в «Хронике», во многом объясняется тем, что незадолго до своей смерти «он стал братом-миноритом». Недоумение читателя может вызвать отзыв о епископе Пармском Обиццо, который, по словам Салимбене, «был большим плутом, большим мотом, щедрым, милостивым и обходительным», «продал задешево много земель и владений епископских и передал каким-то проходимцам», «церковные приходы давал тем, кто ему угождал» – и при всем этом, оказывается, «совершил один [оказывается, всего *один!* – *О.К.*] непорядочный поступок: когда он был епископом в Триполи, он оставил свое епископство” и с помощью высоких покровителей “отнял епископство Пармское у магистра Иоанна ди Домина Руфина”, своего учителя. Не продиктовано ли такое снисходительное отношение хрониста к Обиццо тем обстоятельством, что епископ Пармский “любил монахов и в особенности братьев-миноритов”? И, наоборот, тех, кто чем-то ущемлял миноритов, Салимбене не щадил. Даже если это были папы. Гонорий IV назван “человеком никчемным, подагриком, ... жадным и негодным», он «замышлял и строил планы подвергнуть величайшему поношению и насилию такие славные ордена, как орден братьев-миноритов и орден братьев-проповедников»; но «Бог прибрал его [1287 г.], и смерть помешала ему осуществить» задуманное; Салимбене нисколько не сомневается, что одна из причин смерти понтифика (коей «явил Бог Свою волю») – в его намерении «ополчиться на орден братьев-миноритов и орден братьев-проповедников и лишить их права проповедовать и

¹³⁵ (Cronica. P.87; C. ?).

исповедовать»²⁸. Та же участь, по убеждению Салимбене, постигла Иннокентия IV (ум. 1254 г.), который «был поражен богом за то, что восстал против братьев-миноритов и проповедников»²⁹. С позиций монаха-францисканца, радеющего об интересах своего ордена, Салимбене судил и свой родной город Парму, попрекая его жителей недостаточным уважением к миноритам: «Я, брат Салимбене из Пармы, 48 лет пробыл в Ордене братьев-миноритов, но никогда не хотел жить вместе с пармцами из-за их непочтительности к рабам Господа, и это на самом деле так. Они не стремятся им услужить, хотя отлично могли бы и сумели это делать, было бы только желание, ибо гистрионам, жонглерам и мимам они подают щедро, да и тем, кого называют «рыцарями двора», когда-то много от них перепало, как я видел своими глазами. Конечно, если бы такой большой город, каким Парма является в Ломбардии, был во Франции, то там подобающим и достойным образом жила бы и существовала сотня братьев-миноритов, имея в изобилии все необходимое»¹³⁶.

Привязанность к своему ордену была у Салимбене так велика, что подавила в нем чувство любви к родному городу, столь характерный для большинства средневековых хронистов локальный патриотизм. Вместе с тем, возможно, благодаря именно этому у Салимбене, как чуть позже у Данте, а затем и у Петрарки, появляются первые проблески национального сознания. По справедливому замечанию П.М.Бицилли, «францисканскому

²⁸ Ibid. P. 901, 916 (C. ??).

²⁹ "... papa Innocentius quartus a Deo fuit percussus, pro eo quod contra fratres Minores et Predicatores insurrexit" (Ibid. P. 607, 608; C. ??).

¹³⁶ Ibid. P. 867 (C. ?).

монаху легче было отрешиться от узости городского кругозора, чем нотарию или судье, проведшему весь свой век на службе общины, ушедшему с головой в ее дела и интересы»¹³⁷. Более того, францисканство давало Салимбене удобную возможность для проявления патриотического чувства, поскольку воспринималось из-за преобладания в нем с самого начала итальянского элемента как дело сугубо национальное, к руководству которым нельзя допускать иноземцев: «Заметь, что магистры у братьев-проповедников чаще были из заальпийских краев (*ultramontani*), чем из наших (*cismontani*). Есть для этого убедительная причина, ибо из заальпийских краев был первый из них, а именно блаженный Доминик, родом из Испании. У нас же [то есть миноритов – *О.К.*] больше было из Италии, чем из других стран. И это по трем причинам: во-первых, сам блаженный Франциск был родом из Италии; во-вторых, [в ордене] преобладают голоса уроженцев Италии; в-третьих, они лучше умеют управлять [орденом]. Итальянцы боятся, что если французы придут к власти в ордене, то наступит послабление строгости устава»¹³⁸.

Столкновение с иноземцами – и здесь опять сошлемся на П.М.Бицилли – было одной из причин пробуждения национального чувства¹³⁹. С позиций итальянского патриота подавал Салимбене под 1287 г. известие о поражении французов от испанцев в морском сражении неподалеку от Неаполя¹⁴⁰. С этих же позиций он сокрушался о судьбе «несчастной Италии», над которой после

¹³⁷ *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 76.

¹³⁸ *Cronica*. P. 841 (С. ?).

¹³⁹ *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 83.

¹⁴⁰ *Cronica*. P. 949 (С. ?).

вторжений вандалов, гуннов, готов, лангобардов, нависла угроза нового, татарского нашествия, о чем, по его мнению, свидетельствует послание повелителя татар к папе, доставленное францисканцем Иоанном да Плано Карпини¹⁴¹.

В борьбе разных сил внутри страны Салимбене умел возвыситься до понимания общеитальянских интересов и, руководствуясь уже ими, осудить и оплакать междоусобную войну своих соотечественников¹⁴². «Ибо кто без печали и великого плача может рассказать или даже подумать, - сообщал он под 1284 г. о кровопролитном столкновении Генуи и Пизы, – о том, как эти два прославленных города, из которых к нам, итальянцам [курсив мой – О.К.], приходило столько всяческих благ, разрушили друг друга единственно из честолюбия, тщеславия и суетного искания славы, в которой они хотели превзойти друг друга, как будто моря не хватает всем плавающим по нему»¹⁴³. В числе прочих преступлений он обвинял императора Фридриха II и в том, что, по его словам, Италия “поделилась на партии и страдает от несчастий, которые терзают ее и сегодня, и нет им конца из-за людской порочности и козней дьявола”¹⁴⁴. Хотя в борьбе Империи и Церкви Салимбене в

¹⁴¹ Салимбене привел в «Хронике» текст послания по-латыни. См.: Ibid. P. 298-301 (С. ?).

¹⁴² На эту тему см. также: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Указ. соч. С. 226.

¹⁴³ Cronica. P. 779 (С. ?).

¹⁴⁴ Ibid. P. 859 (С. ?). См. в другом месте: «Он [Фридрих II – О.К.] посеял в городах Италии семена раздора и разделения, которые произрастают по сей день» (Ibid. P. 43; С. ?).

качестве убежденного поборника папского верховенства³⁰ держал сторону Церкви, тем не менее им не осталась не замеченной политика пап, направленная на увеличение их светских владений в Италии. «Римская церковь получила ее [область Романью – *О.К.*] в дар от господина Рудольфа, который еще во времена господина нашего папы Григория X был избран императором. Ибо римские понтифики всегда стараются что-нибудь выманить у государства, когда император венчается на царство»¹⁴⁵. Правда, Салимбене из этих наблюдений не сделал выводов, подобных тем, которые позже будут сделаны Макиавелли, усмотревшим в своекорыстной политике папства в Италии главную причину невозможности государственного объединения страны¹⁴⁶.

И это понятно, ибо для подобных выводов национальное сознание должно было пройти долгий и сложный путь развития, у Салимбене же оно еще не вполне выработалось, о чем свидетельствует сбивчивость в употреблении даже таких слов, как «Италия» и «итальянцы», которые могли обозначать не только целое (то есть всю страну и всех ее жителей), но и его часть. Пример второго значения можно встретить в записи под 1283 г., когда «Хроника» отмечала «великий падеж коров и быков по всей

³⁰ «Manifestum est quod res publica debet subesse Romano pontifici...», - заявлял он в «Хронике» (Ibid. P. 638; C. ?).

¹⁴⁵ Ibid. P. 745 (C. ?).

¹⁴⁶ *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. I. XII // Избранные сочинения. М., 1982. С. 409, 410.

Ломбардии, Романье и Италии»¹⁴⁷. Об Италии как целом Салимбене говорил, противопоставляя свою страну другим странам¹⁴⁸; когда же он вел речь о внутриитальянских делах, то местнические привычки сознания брали верх, и на первый план в его повествовании выходили Ломбардия, Романья, Эмилия, Тоскана и т. д., и само имя Италия приобретало сходное с этими названиями содержание¹⁴⁹.

XIII в. – время широкого развития мелкого товарного производства и тесно связанного с этим роста рыночного хозяйства. Торговля, банковские операции начинали играть заметную роль в повседневной деятельности людей, однако отношение к этим становившимся все более необходимыми явлениям хозяйственной жизни было очень противоречивым. С одной стороны,

¹⁴⁷ Cronica. P. 754 (C. ?). В другом месте (Cronica. P. 950; C ?) Салимбене делит население полуострова на обитателей королевства, то есть население юга страны, тосканцев и ломбардцев ("regnicolae, Tusci et Lombardi"), вовсе избегая названия "Италия".

¹⁴⁸ Ibid. P. 26 (C. ?). Соответственно осознание ее обитателей как просто итальянцев, то есть как одного народа, приходило за ее рубежами, на чужбине, обуславливая особое отношение к соотечественникам. Повествуя о своем сводном, незаконнорожденном брате Иоанне, обосновавшемся в Тулузе, Салимбене замечал: «Он был таким обходительным и щедрым, что охотно помогал *всем итальянцам* [курсив наш – О.К.]. В самом деле, он охотно приводил их к себе домой и очень хорошо принимал, особенно бедных, знакомых и паломников» (Ibid. P. 75; C. ?).

¹⁴⁹ Этот вопрос убедительно разобран в работе: *Бицилли П.М.* Салимбене. С. 78-83.

предпринимались попытки найти в учении церкви смягчающие аргументы и оправдать ремесло купца и даже – на определенных условиях - ростовщика¹⁵⁰, а с другой, - напротив, в обществе усиливалось настроение, одним из крайних выражений которых было францисканство, категорически осуждавшее стяжательство и в качестве проявления такового все виды денежно-кредитных сделок. И хотя общество уже не могло обойтись без них, указанное настроение превалировало в нем. Салимбене в ряде историй-«примеров» своей «Хроники» хорошо проиллюстрировал господствовавшее убеждение в греховности ростовщичества, разделяемое, в конечном счете, даже теми людьми, которые им занимались. В рассказах о Бертольде Регенсбургском он поведал о чуде с менялой, который под воздействием проповеди Бертольда решил отойти от порочного промысла, заявив о готовности «вернуть чужое и из любви к Богу раздать все, что нажил, бедным», дабы «стать добрым человеком»¹⁵¹. Так же поступили два брата, ставшие францисканцами, но прежде, в миру, бывшие ростовщиками: они «вернули то, что брали в рост, и что было ими несправедливо нажито, и, движимые любовью к Богу, наделили одеждой двести нищих, и дали двести имперских либров братьям-миноритам»; однако одному из них, брату Иллюминато, этого показалось мало, и он «велел прогнать себя бичами по городу, при этом у него к шее был

¹⁵⁰ Кудрявцев О.Ф. Жажда наживы и религиозное благочестие (о принципах хозяйственного мышления в средние века) // Экономическая история. Проблемы. Исследования. Дискуссии. М., 1993 (С. 36-61). С. 51 и далее.

¹⁵¹ Cronica. P. 815, 816 (С. ?).

привязан кошель с деньгами»¹⁵². Такое поведение раскаявшегося было в порядке вещей, ничего особенно экстравагантного брат Иллюминато не сделал – он, как сказано, лишь последовал примеру другого брата Бернардо Бафуло, который приказал «двум своим слугам, дабы один сел на коня, а другой привязал к хвосту этого коня самого Бернардо, и, бичуя его, пошли они по городу и вступили на самую большую дорогу, крича изо всех сил: «А ну наддай разбойнику! А ну наддай разбойнику!»»¹⁵³. Впрочем, Бернардо тоже не был оригинален¹⁵⁴. Их публичное самоизобличение и наказание должны были свидетельствовать о готовности все претерпеть, дабы искупить грехи прошлой жизни, о глубоком раскаянии, без которого человек средних веков не мог и помыслить о спасении своей души. Сходным по образу действий и настроениям было массовое движение флагеллантов (бичующихся), также нашедшее отражение в «Хронике» Салимбене¹⁵⁵.

Образ человека: типическое и особенное.

Вопрос о том, «что́ есть человек?», в общем, абстрактно-метафизическом плане не интересовал Салимбене. Но и конкретные черты человека, его особенные свойства или их неповторимое сочетание в редких случаях привлекали внимание хрониста. Описание многочисленных персонажей, которые встречаются на страницах труда Салимбене, как правило, не передает

¹⁵² Ibid. P. 891, 892 (С. ?).

¹⁵³ Ibid. P. 890 (С. ?).

¹⁵⁴ См.: *Карсавин Л.П.* Культура средних веков. Пг., 1918. С. 101.

¹⁵⁵ Cronica. P. 675, 676 (С. ?).

специфические, частные качества каждого конкретного лица. Оригинальность, самобытность характера воспринимались чуть ли не как нарушение установленного порядка вещей, как своеволие, в иных случаях приравниваемое или даже отождествляемое с ересью¹⁵⁶.

Индивидуальное в человеке Салимбене не ценил и не подчеркивал, в лучшем случае он его подавал, если воспользоваться словами русского историка, «как просто феноменальное обнаружение типического»¹⁵⁷, причем все то, что составляло неповторимое своеобразие единичного, им отбрасывалось. Как и другие средневековые писатели, Салимбене всякое частное пытался соотнести с общим, указать в нем черты, свойственные некоему классу явлений; человек в его описании типизирован, выступает

¹⁵⁶ Показательно, что наиболее выпукло, рельефно, в некоторых случаях даже зримо изображены в «Хронике» те немногие персонажи, разрыв с нормами церковной жизни и учения которых у ее автора не вызывал сомнений. Так, например, Салимбене сообщал не только много подробностей о жизни, деятельности и отдельных выходках основателя секты «апостольских братьев» Герардино Сегарелли, но и о том, как он одевался, как выговаривал слова (*Ibid.* P. 369-384; С. ??), так что портрет ересиарха, пусть даже несколько карикатуризированный пристрастным описанием, получился весьма конкретным и вполне наглядно представляемым.

¹⁵⁷ *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995 (1 Изд. – 1919, Одесса). С. 53.

прежде всего как социально определяемый субъект¹⁵⁸. Ни о каком рождении индивидуальности, ни о каком ощущении личности в творчестве Салимбене или культуре его эпохи речь, конечно же, идти не может. Человек должен являть собой характерные признаки того целого, к которому он относится, того класса, сословия, корпорации, членом которой он состоит; поэтому человек сам по себе, в своей неповторимости и исключительности остается неузнанным, скрыт за *личной*, навязанной ему его социальной группой. О собственном отце - а с ним Салимбене расстался в таком возрасте, в котором был уже способен хорошо запомнить обстановку домашней жизни и особенности родных людей - он сообщил только то, что свидетельствовало о нем как о представителе знати, рыцаре: «Упомянутый же отец мой Гвидо де Адам был мужем красивым и храбрым; некогда, во времена Балдуина, графа Фландрского, он участвовал в походе за море для защиты Святой Земли...»¹⁵⁹. В подобных характеристиках, по верному наблюдению П.М.Бицilli, Салимбене «предан шаблонам и готовым формулам»¹⁶⁰. Слова «красивый», «сильный», «умелый воин», как показал в своем исследовании Жак Поль, в разнообразных, но близких по смыслу словосочетаниях очень часто употреблялись Салимбене при описании типичного представителя

¹⁵⁸ См. в этой связи: *Бицilli П.М.* Салимбене. С. 133, 146; *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. С. 204; *Idem.* La nascita dell'individuo nell'Europa medievale. P. 226.

¹⁵⁹ Cronica. P. 52 (C. ?).

¹⁶⁰ *Бицilli П.М.* Салимбене. С. 138.

знати¹⁶¹. Даже наиболее развернутая из характеристик, в которой Салимбене представил графа Сан Бонифаччо воплощением рыцарственности и христианской доблести, составлена из расхожих клише, общепринятых штампов, годных для изображения идеального типа, но мало что сообщающих о конкретном лице: «человек добрый и святой, мудрый и добродетельный, и сильный, и хорошо владеющий оружием, и опытный в военном деле»¹⁶².

Собственную мать, которую Салимбене должен был знать, конечно же, лучше других людей и в отношении которой имел возможность сообщить частные свойства натуры и быта, индивидуализирующие ее облик, он представил средоточием нравственных качеств, присущих доброй христианке, женщиной благочестивой, кроткой, творившей дела милосердия и помогавшей бедным, то есть такой, какой, с его точки зрения, - точки зрения францисканского монаха, - обязана быть всякая мирская женщина: «Мать моя, госпожа Иммельда, была смиренной и набожной женщиной, много постившейся и охотно подававшей милостыню бедным. Никогда ее не видели разгневанной, никогда не поднимала она руку на служанку. Из любви к Богу во время зимы она всегда давала приют какой-нибудь бедной горянке,... ее она оделяла

¹⁶¹ “pulcher homo et valens” (Cronica. P. 928); “pulcher homo et magnus bellator” (Ibid. P. 75); “homo pulcher et nobilis” (Ibid. P. 927); “pulcher miles et fortis bellator” (Ibid. P. 99) (C. ?????). Подробнее об этом см.: *Paul J. Elogio delle persone e ideale umano // Paul J., D’Alatri M. Salimbene da Parma. (P. 35-58). P. 38-42.*

¹⁶² “bonus homo et sanctus, sapiens et honestus et fortis et probus in armis et doctus ad bellum” (Cronica. P. 534; C. ?).

одеждой и пропитанием...»¹⁶³. Вот почти все, что можно узнать из «Хроники» о госпоже Иммельде. Особенности, присущие только ей черты характера стерты общими словами, более обнаруживающими взгляд автора на то, что должна являть собой женщина, нежели передающими конкретный женский образ.

Сходным образом Салимбене держался и в отношении клириков, превознося их за те качества, которые полагал подобающими им, и, наоборот, порицая за отсутствие такого рода качеств¹⁶⁴. Как всякий средневековый писатель, в оценках человека Салимбене руководствовался тем, что приличествует каждому «чину», прилагал к нему общепризнанную мерку сословия, класса или корпорации. В человеке, поэтому, он выделял не его частные свойства в качестве конкретного лица, но прежде всего социально значимую функцию, соответствие или несоответствие ей¹⁶⁵.

Публикации «Хроники» на языке оригинала
и в переводах.

«Хроника» Салимбене получила известность, заслуженную, хотя и весьма запоздалую, после ее первого издания на латыни в Парме в 1857 г.¹⁶⁶, изобиловавшего, впрочем, многими изъянами и

¹⁶³ Cronica. P. 77 (C. ?).

¹⁶⁴ См. об этом: *Paul J. Op. cit.* P. 47-54.

¹⁶⁵ *Ibid.* P. 55, 56.

¹⁶⁶ *Chronica, fr. Salimbene Parmensis, Ordinis Minorum, ex codice Bibliothecae Vaticanae, nunc primum edita.* В серии: *Monumenta Historica ad provincias Parmensem et Placentinam pertinentia.* III. Parmae, 1857.

неточностями, о которых вскоре было сказано в исследовательской литературе¹⁶⁷. Прошло более полувека, прежде чем вышло новое, теперь уже научное, критическое издание «Хроники», снабженное палеографическими, текстологическими и историческими комментариями, обширным индексом имен собственных и библейских цитат; подготовил его немецкий ученый Освальд Гольдер-Эггер для «Памятников германской истории», однако из-за смерти издателя работа вышла с предисловием Б.Шмейдлера¹⁶⁸. В 1942 г. латинский текст «Хроники» в серии «Писатели Италии» выпустил Фердинандо Бернини¹⁶⁹. В 1966 г. для этого же серийного издания его подготовил Джузеппе Скалиа, продолживший и уточнивший в некоторых случаях критические изыскания Гольдер-Эггера¹⁷⁰; Скалиа, в частности, пересмотрел прочтение целого ряда мест, дал развернутый индекс собственных имен и глоссарий редких или употреблявшихся в особенных значениях латинских терминов, а равно и слов на народном языке; он также сделал два свода цитат (один – библейских, второй – установленных и неустановленных авторов), которые, как и текстологические примечания, основывающиеся на рукописи «Хроники», и био-

¹⁶⁷ См.: *Clédat L.* Op. cit.

¹⁶⁸ *Cronica fratris Salimbene de Adam Ordinis Minorum.* Ed. O. Holder-Egger (Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum tomus XXXII). Hannoverae; Lipsiae, 1913. Эта публикация была переиздана в 1963 г. в Ганновере.

¹⁶⁹ *Salimbene de Adam. Cronica.* A cura di F. Bernini (Scrittori d'Italia. 187-188). Vol. 1-2. Bari, 1942.

¹⁷⁰ *Salimbene de Adam. Cronica.* Ed. G. Scalia (Scrittori d'Italia. 232-233). Vol. 1-2. Bari, 1966.

библиографическую статью о Салимбене, о рукописи и изданиях его «Хроники», вывел в конец работы.

В 1882 г. вышел в свет полный перевод «Хроники» на итальянский язык, однако основывался он на ненадежном первом (пармском) ее издании¹⁷¹. Затем в течение длительного времени в Италии появлялись лишь фрагментарные переложения «Хроники»¹⁷², и только в 1987 г. был, наконец, опубликован новый полный перевод по изданию Скалиа, снабженный хронологической таблицей важнейших дат жизни Салимбене и политических и религиозных событий эпохи¹⁷³. Уже после него вышло в свет еще одно частичное итальянское переложение труда Салимбене¹⁷⁴.

На немецком языке до сих пор имеется единственное издание «Хроники», опубликованное Альфредом Дореном еще в 1914 г.¹⁷⁵. Перевод этот выполнен по тексту Гольдер-Эггера, однако памятник

¹⁷¹ Cronaca di Fra *Salimbene* Parmigiano... volgarizzata da C.Cantarelli sull'edizione unica del 1857. Vol. 1-2. Parma, 1882.

¹⁷² La bizzarra Cronaca di frate *Salimbene*. Traduzione di F.Bernini. Lanciano, 1926 (в серии: Scrittori Italiani e Stranieri); *Fra' Salimbene*. La Cronaca. A cura di G.Pochettino. Sancasciano Val di Pesa, 1926; *Salimbene de Adam*. La Cronaca. Versione di G.Tonna. Milano, 1964; *Salimbene da Parma*. La Cronaca. A cura di N.Scivoletto. Firenze, 1966.

¹⁷³ *Salimbene de Adam da Parma*. Cronaca. Traduzione di B.Rossi. Bologna, 1987.

¹⁷⁴ *Salimbene da Parma*. Storia di santi e ciarlatani. Traduzione di V.Dornetti. Milano, 1989

¹⁷⁵ Die Chronik des *Salimbene von Parma*. Uebersetzt von A.Doren. Leipzig, 1914. Bd. 1-2 (в серии: Die Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit. 93-94). Книга переиздана в 1965 г. в Нью Йорке.

он воспроизводит не полностью (опущены заимствования из хроники Сикарда, библейские цитаты и некоторые другие фрагменты).

Нет полного перевода «Хроники» и на французский язык, хотя известно, что он должен появиться в ближайшее время¹⁷⁶. Все существующие французские переложения касаются отдельных и, как правило, небольших сюжетов¹⁷⁷.

Впервые на английском языке «Хроника» Салимбене была напечатана во фрагментах в 1907 г.¹⁷⁸. Еще одно ее неполное издание, составленное по образцу французской публикации 1959 г., появилось в 1961 г.¹⁷⁹. Наконец, в 1986 г. вышел перевод почти всей «Хроники» на английский язык, авторы которого, правда, сочли

¹⁷⁶ См. об этом: Guyotjeannin O. Op.cit. P. 325.

¹⁷⁷ *D'Ancreville P.M. Voyage de Fra Salimbene en France (1247-1249) // La France franciscaine. T. 1 (1912). P. 25-75; Jourdain de Giano, Thomas d'Eccleston et Salimbene d'Adam. Sur les routes d'Europe au XIIIe siecle. Traduit par M.-Th.Laureilhe. Paris, 1959; Salimbene. Comment on entrait dans l'Ordre des Freres Mineurs en 1238. Traduit par M.-Th.Laureilhe //Amis de Saint Francois. Vol. 3 (1962). N 1. P. 13-20; наконец, подборка различных отрывков опубликована в приложении к книге Гийожаннена: Guyotjeannin O. Op. cit. P. 115-319.*

¹⁷⁸ From Saint Francis to Dante: translations from the Cronicle of the Franciscan Salimbene (1221-1288) with notes and illustrations from other medieval sources. By G.C.Coulton. London, 1907 (переиздания – Нью Йорк, 1968; Филадельфия, 1972).

¹⁷⁹ *Jordan of Giano, Thomas Eccleston, Salimbene degli Adami. XIIIth Century Chronicles. Translated by P.Hermann. Chicago, 1961.*

возможным опустить начальную часть текста на том основании, что она взята из хроники Сикарда Кремонского¹⁸⁰.

Исследовательская литература о Салимбене исчисляется сотнями работ. Наиболее полные их перечни приведены в трудах Ф.Бернини, Д.К.Уеста, М.Д'Алатри и О.Гийожаннена¹⁸¹.

¹⁸⁰ The Chronicle of *Salimbene de Adam*. Translated by J.L.Baird, G.Baglivi, J.R.Kane. New York, 1986.

¹⁸¹ *Bernini F.* Bibliografia Salimbeniana // Studi francescani. Serie 3a, IV. Firenze, 1932. P. 80-85; *West D.C.* The present state of Salimbene Studies with a bibliographic Appendix of the Major Works // Franciscan Studies. T. 32 (1972). P. 225-241; *D'Alatri M.* Bibliografia salimbeniana, 1930-1991 // Paul J., D'Alatri M. Salimbene da Parma. P. 245-257; *Guyotjeannin O.* Op. cit. P. 323-339.